

ФЕВРАЛЬ 1917 года

1. *В каком состоянии находились власть и общество в России к зиме 1917 года? Существовал ли раскол между властью и обществом - и если он существовал, то чем его можно объяснить?*

Глубокий политический раскол, причем этих расколов было несколько: оппозиция монарху существовала в ГД, в исполнительной власти, в общественных организациях, в кругах высшей аристократии, в торгово-промышленных кругах, в Церкви (в пассивном виде), в армии среди отдельных представителей генералитета, в Доме Романовых – со стороны некоторых ВК + *революционные круги* (социал-демократы, влияние среди рабочих). Эпицентр Дума.

Четыре объективных фактора:

- 1). Обострение под влиянием военных трудностей всех социальных противоречий Российского государства предшествующих трехсот лет: культура и бескультурье, власть и общество, вера и безверие, ослабление традиционного политического обряда, оживление революционной агитации, слабость городской культуры, но главное: конфликт между патерналистско-иждивенческой психологией и реалиями времени, Россия показывала очень высокие темпы экономического роста, колоссальные изменения в жизни, быту, рост численности населения и – сохранение традиционных политических форм государственного устройства при их очень медленном реформировании.

Кризис монархического сознания (генерал-майор, славянофил Александр Киреев, приват-доцент Борис Никольский, сент. 1915 Лев Тихомиров: «Надо отречься»).

- 2). Истончение гражданского слоя и **качественное** ослабление российского общества в виду огромных военных потерь.

Один из кадровых офицеров русской армии, выпускник Павловского военного училища 1912 года генерал-майор Михаил Фёдорович Скородумов писал в эмиграции: « *Эти люди, это было что-то изумительное, это было государство в государстве, прекрасная роза на навозе, это была единственная народная школа. Это были люди, у которых были совершенно другие понятия о долге, о чести, о России и всё это принималось как истина, не подлежащая обсуждению*».

- 3). Накопление социальной усталости масс от войны – и на фронте, и в тылу – быстрее, чем это происходило в других воюющих странах, более быстрое снижение мотивации к продолжению войны.

- 4). Раздражение от бытовых, хозяйственных и экономических трудностей, причем положение в Петрограде сильно отличалось от положения в других столичных центрах и губернских городах (но: «брюквенная зима» в Германии):

Ежедневный рацион жителя немецкого большого города составляет около 1000 калорий – это значит, например, в день порядка 270 г хлеба, 400 г картофеля, 30 г мяса. Вследствие неурожая не хватает картофеля, недельный рацион жиров устанавливается в

70 граммов. Много людей переходят на водянистые супы, которые предлагаются в уличных закусочных. Десятки тысяч умерших от голода.

Итак: отсутствие национальной консолидации в России.

Оценка Струве.

Пророчество Кривошеина: **6. VIII 1905**: «*Записка об установлении единства действий высших органов исполнительной власти в лице объединенного правительства*». ГД послужит центром по подготовке революции.

Два феномена: «детскость политической мысли», низкий уровень политической культуры (вечная оппозиционность власти) и «Пугачёвы из университетов» (не только Ленин, но Керенский и Милюков). Оппозиционность общественных организаций. Символ Земгор. За 38 месяцев войны получили более 1,5 млрд. рублей из казны и менее 10 млн. от частных пожертвований. Половина всех назначенных министров симпатизировала блоку. При этом – все равно оппозиционность.

Попытка АВК повторить маневр Столыпина: создание Прогрессивного блока в IV ГД, правительственный кризис сентября 1915, «министерская фронда», октябрь – отставка Кривошеина (служил по линии РОКК). С осени 1915 резкое сползание к Февралю (тем досаднее, что военный кризис преодолен). Монарх, принявший должность ВГ, не смог выставить от имени власти такую сильную фигуру во главе правительства как Столыпин. Все ПСМ за этот период с осени 1915 и до марта 1917: *Ив. Логг, Горемыкин, Бор. Вл. Штюрмер, Ник. Дм. Голицын* – честные, но весьма посредственные бюрократы. Исключение: *Ал-др Фёд. Трепов*, МПС, с 10 ноября до 27 дек. 1916 (снят монархом с обоих постов).

Субъективные факторы (человеческое поведение):

1) Управленческие решения ГИ Николая Александровича.

Одни министры назначенные им – весьма удачные: адм. *Ив. Конст. Григорович* (ММ, с 1911), земл. *Ал-др Ал-др. Риттих* (с янв. 1917), мин. фин. *Пётр Людвигович Барк* (с мая 1914), МПС *Ал-др Фёд. Трепов* (с ос. 1915; управление шоссейных дорог). Другие сносные, как военный министр, ген. от инф. *Алексей Андр. Поливанов* (кандидат от оппозиции, приятель Гучкова, лето 1915 – весна 1916, преодоление кризиса снабжения). Третьи – неудачные: военный министр ген. от кав. *Владимир Ал-др. Сухомлинов* (1909–1915, под следствие), ген. от инф. *Мих. Алексеевич Беляев* (с янв. 1917), ПСМ Горемыкин, Штюрмер, Голицын. Наконец, совершенно бездарные: *Ал-др Дм. Протопопов* (МВД, с конца 1916 и до Февральской революции, полное бездействие в Феврале, неуравновешенный человек, рекомендовался сначала Распутиным зимой 1916, потом думцами, включая Родзянко, предлагался по торгово-промышленной части). Были министры, назначенные по протекции Распутина, но 8 из 24 назначений за период с сент. 1915 до февр. 1917.

С 23 авг. 1915 – ВГ РИА. Недооценка современниками. Но: отсутствие консолидированной власти в тылу. Отказ ГИ НА от создания «министерства государственной обороны» и сосредоточения власти в тылу в руках ВК СМ.

2) «Политический романтизм» АФ. Представление о монархии по образцу XVII века. Фактор Распутина. Дискредитация Царской Семьи. Жулики вокруг Распутина. Полная отстраненность монарха от реальности.

Кстати, Лев Тихомиров убеждал друзей и единомышленников отказаться от публикации открытого письма по поводу «старца». «Всё бесполезно, — с грустью констатировал монархист. — Господь закрыл очи царя и никто не может изменить этого. Революция все равно **неизбежно придет**». Если подобные настроения переживались в правом лагере, чему же тогда удивляться?..

3) Взаимное заблуждение: конфликт вокруг «ответственного министерства». Николай II: они напортят, а я отвечаю. Конструкции 1906 года достаточно. Думские либералы (Милюков): непомерные амбиции, нетерпение, недооценка значения политического обряда для массового народного сознания, уверенность, что они смогут управлять лучше (*переоценка возможностей*). *Стратегия неприятия компромисса с властью*.

4) «Массовый психоз» (с конца 1915 и к зиме апогея): Царица-шпионка склоняет Россию к сепаратному миру, а германская агентура действует через Распутина. ГИ невольная игрушка в руках императрицы. Чему способствовала изоляция Царской Семьи: от АФ отшатнулась сестра ЕФ, свекровь МФ. Отрывок из дневника Л.-гв. кап. 1-й абр Николая Ивановича фон Бурмейстера. Безумие АФ. Свидетельство ГШ полк. ЕЭМ. Убийство Распутина = подтверждение слухов об измене АФ.

5) Разложение столицы. Зимой 1917 года столица производила мрачное впечатление. Британский дипломат Брюс Локхарт (Локкарт) вспоминал:

«Я нашел атмосферу в Санкт-Петербурге еще более удручающей, чем когда-либо... Шампанское лилось рекой.. “Астория” и “Европа”, два лучшие столичные отеля, переполнены офицерами, чье место должно бы быть на фронте. Не считалось зазорным быть “уклоняющимися” или искать синекуру в тылу... На улицах же — длинные очереди бедно одетых мужчин и громко возмущающихся женщин».

Месснер:

«Мы, армейские офицеры, почти не имели возможности соприкоснуться со столичным населением, но гвардейцы, прибывшие в Петроград, возвращались в среду своих родных и знакомых; поэтому они приносили в Академию вести о настроении в столице. Они рассказывали, что по сёлам и городам России скрывается 1,5 млн. уклонившихся от призыва в войска и дезертиров. Они нам сообщили слух, будто бы один раненый офицер стрелял в Государыню при посещении ею госпиталя; они шепотом передавали о существовании среди гвардейцев заговора, имеющего целью устранить Императрицу. Князь Гавриил Константинович одним утром принес известие об убийстве Распутина, что вызвало в офицерах столь радостное волнение, что в тот день на лекциях все были невнимательны, а на практических занятиях — бездеятельны. <...>

Нам казалось неподобающей атмосфера, в которой жила столица; словно в мирное время прогулки по Невскому и поездки по Крестовскому, балы, переполненные театры и т. п. Надо отдать справедливость Ставке: она оградила

прифронтовую полосу от безобразия, в каком погряз тыл в русско-японскую войну. В Великую войну я не видал в прифронтовом тылу ни игорных притонов, ни ресторанов для диких кутежей и вакханалий, ни множества проституток, одиночек или опекаемых бандершами, ни дельцов-спекулянтов, нагло наживавшихся на поставках для армии — все это было в Маньчжурии и этого не было в тылу нашего фронта в Великую войну. <...> Контраст между добродетельным фронтом и пристойным тылом, с одной стороны, и веселящимся Петроградом, с другой стороны, был для меня разителен».

6) Неоправданное политическое интриганство. Символы: речь ПНМ в ГД 1 ноября 1916 «Глупость или измена?» «Мы потеряли веру, что эта власть может привести нас к победе». Штюрмер – за сепаратный мир. Намеки на императрицу, что стоит за этим блоком. Требование отставки правительства Штюрмера (жонглирование сведениями из печати). Бессовестность и безответственность, работа на публику. Сигнал к штурму правительства.

Председатель ЦВПК АИГ. Личный конфликт с Николаем Александровичем (история с озвучиванием их разговора в печати накануне ПМВ, с письмами и пр.). С осени 1916 разговоры о госперевороте (*традиция госпереворотов в истории России*). Цель: *предупредить революционный взрыв*, как следствие *неэффективного управления*. Были ли эти опасения реальными? И насколько было управление неэффективным? Главная роль: командующий Уссурийской конной дивизией, ГК, ген-м. *Ал-др Мих. Крымов*. Масса оппозиционно настроенных офицеров в Гвардии. Но: категорическое отрицание подрыва боеспособности армии, мистики и пр. Полный бред, что оппозиция хотела спровоцировать взрыв в Петрограде.

7) Консолидация либерально-социалистической оппозиции через политические клубы. Никакой религиозной мистики: единство в оппозиции власти.

8) Немецкий «финансовый след» в революции.

2. В каком состоянии находилась Русская Императорская армия к зиме 1917 года? Насколько Россия могла продолжать войну?

До зимы 1917 в армию призвано 12 млн. человек, из них более 10 млн. – из деревни. Кадровая армия образца 1914 года (1,4 млн.) перебита за первый год войны. Многие полки сменили по 5–6 состав, а иные и 12, и 13. В пехоте сменилось более 300 % офицеров. На 1 января 1917 – на всех фронтах (их 5) 9,6 млн. человек, в тылу 2,7 млн. Всего более 12,3 млн. Самые многолюдные: Северный и Западный (самые и неустойчивые), в них 5 млн. человек. Не всего хватало, но достаточно было сил и средств для удержания фронтов. Противник находился в более критическом положении. При этом: Россия сковывала около 50 % наличных сил противника, чуть более половины – наши союзники. Ресурсы в пользу Антанты. Усталость. Проблема запасных батальонов (160 тыс. в Петрограде).

При этом: 7 (ст. ст.) февраля 1917 года завершила свою работу Петроградская союзническая конференция — один из самых главных коалиционных форумов, состоявшихся в годы войны. Союзники установили время начала активных наступательных операций на Западе и Востоке. На русском театре срок был назначен на **вторую декаду апреля**, чаще других в разных источниках называется дата 12 апреля. В наступлении дух войск меняется.

3. Существовал ли к зиме 1917 года антиправительственный заговор и участвовал ли в этом заговоре высший генералитет, в частности начальник штаба Ставки, генерал Алексеев?

Председатель Объединенного комитета Земского и Городского союзов, князь Георгий Евг. Львов склонился к желательности дворцового переворота. *«Перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала — у нас кружилась голова и немело сердце»*, — признавался ещё один монархист Василий Шульгин.

К октябрю Алексеев полностью согласился с необходимостью прекратить вмешательство Императрицы в дела государственного управления, тем паче — военного. Удаление Распутина представлялось необходимым. Максимум на что соглашался Алексеев, по версии Сергея Мельгунова, это изоляция Императрицы.

Вопрос в том — каким способом?..

Ответ нет.

Можно лишь предположить, каким способом Алексеев наверняка **не стал** бы действовать. В этой связи интересное свидетельство оставил бывший генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов: *«Я не верил этим слухам потому, что главная роль была предназначена Алексею, который якобы склонялся арестовать Николая II и Александру Фёдоровну; зная свойства характера Алексея, я был убежден, что он этого не выполнит»*. Действительно, по своему характеру Алексеев («Глазомер без натиска») менее всех русских генералов походил на организатора и руководителя военного переворота в пользу Наследника.

Отчасти это свидетельство Брусилова коррелируется с содержанием письма Михаила Вл. Родзянко от 10 марта 1917 года, которое мы цитировали в предыдущем комментарии: *«Генерал Алексеев являлся **постоянным противником мероприятий**, которые ему неоднократно предлагались из тыла как неотложные»*.

Генерал пессимистично оценивал столичные события и в октябре в частном разговоре жаловался Протопресвитеру Армии и Флота Георгию Шавельскому: *«Нет смысла служить: ничего нельзя сделать, ничем нельзя помочь делу. Ну что можно сделать с этим ребенком! Пляшет над пропастью и... спокоен. Государством же правит безумная женщина, а около нее клубок грязных червей: Распутин, Вырубова, Штюрмер, Раев, Питирим»*.

Эмоционально, но зато от сердца.

В этой связи возникает другой вопрос: не должен ли был Алексеев доложить Императору о «неотложных мероприятиях», по словам Родзянко, предлагавшихся ему из тыла. Способность и моральную готовность Алексеева к политическому доносу здесь мы рассматривать не будем.

Допустим, доносить.

Но доносить — о чём?

О слухах?..

О намёках Львова?..

О желании каких-то лиц любой ценой добиться «ответственного министерства»?

Допустим, Алексеев сделал бы такой донос.

Львов был бы допрошен — и что?

Кроме доноса Алексеева, какие бы доказательства личной вины могли быть предъявлены председателю Земгора? При этом, обличая Распутина и «камарилью», Львов наверняка бы снискал сочувствие своих обвинителей (а может быть — и следователей) и широкую общественную поддержку, вплоть до членов Династии.

Вопрос о доносе разрешился сам собой.

В сентябре Алексеев перенес тяжелый приступ застарелой уремии, давший осложнения. В начале ноября его состояние резко ухудшилось, а к концу месяца казалось безнадежным. Генерал, спасший русскую армию летом 1915 года, умирал. Температура поднялась почти до 40 градусов, а боли в почках не прекращались. Грустный Государь ежедневно навещал больного, иногда вместе с молчаливым Наследником.

Александра Фёдоровна усматривала в тяжелой болезни начальника Штаба мистический смысл: *«Работа человека, который так страшно настроен против нашего друга, как бедный Алексеев, не может быть благословенной»*. Позднее, в декабре в своем письме Государю Ея Величество сообщала: *«Бог послал болезнь — очевидно, с целью спасти тебя от человека, который сбился с пути и приносил вред тем, что слушался дурных писем и людей, вместо того, чтобы слушаться твоих приказаний насчет войны и не быть упрямым»*.

На самом деле Михаил Васильевич страдал более десяти лет, застудив почки еще во время русско-японской войны, и его заболевание носило многолетний хронический характер. Для характеристики общественной атмосферы конца 1916 года показательны, что после известий о тяжелом заболевании начальника Штаба в столице поползли слухи о его отравлении. Отравления не было, но первое лечение впоследствии вызвало много профессиональных нареканий специалистов.

Очень важно, что 8 ноября Михаил Васильевич исповедовался и причастился Святых Христовых Таин. В отличие от исповедей Распутина именно об этом таинстве есть примечательное свидетельство пастыря, причащавшего умиравшего генерала. Отец Георгий Шавельский вспоминал: *«Исповедался и причащался больной с восторженным воодушевлением. В большом государственном человеке мне ни раньше, ни позже не довелось наблюдать такой искренней, горячей веры. Сразу после причастия у него точно прибыло сил, он ожил. Дух победил плоть... Наступило серьезное улучшение, давшее надежду на возможное выздоровление»*.

Действительно, произошло **Божие чудо**.

Болезнь отступила.

Возможно, потому что Михаил Васильевич произнес о Георгию важные слова: *«Если судит мне Господь выздороветь, снова отдам себя делу, **все свои силы, свой опыт и знания посвящу моей Родине, да будет во всем Воля Божия!**»*

Слова были справедливыми и услышанными, ибо до главного дела жизни Михаила Васильевича оставался ещё целый год.

Высочайшим повелением Михаилу Васильевичу был предоставлен отпуск для прохождения курса лечения в Севастополе, в новооткрытом там специальном институте. В качестве особого благоволения Государя к своему начальнику Штаба необходимо рассматривать направление вместе с ним в Крым его сына, отозванного с фронта — Л.-гв. штабс-ротмистра Николая Алексеева. После 10

ноября в Ставке Алексеева временно заменил генерал от кавалерии Василий Ромейко-Гурко.

В декабре в Севастополь внезапно приехал князь Львов.

Однако в Севастополе Алексеев не только не стал вести с князем Львовым политических разговоров — он **отказался с ним встречаться (?)**. Сергей Мельгунов объяснил причину отказа так: «Алексеев шел только на изолирование царя от жены. Перед ним не ставился вопрос о добровольном или вынужденном отречении самого царя; между тем, в декабре [1916] и в январе [1917] именно так ставился уже вопрос».

В других частных разговорах Михаил Васильевич «в самой **категорической форме** указал на **недопустимость** каких бы то ни было государственных потрясений во время войны». Вероятно, позднее именно поэтому Михаил Родзянко указывал в своем мартовском письме князю Львову на то, что Алексеев был *противником заговорщиков, а не их союзником*.

18 февраля Михаил Васильевич вернулся из Севастополя в Могилёв.

В тот же день рабочие одного из цехов на Путиловском заводе потребовали 50 % прибавки к з/п. Угроза забастовки. 20 %. Несогласие.

В 00. 00. **19 февраля** МВА вступил в исполнение служебных обязанностей в качестве начальника Штаба Верховного Главнокомандующего. Пределы ответственности МВА: Действующая армия на ТВД.

21 февраля — увольнение бастовавших (тысячи). Стачечное движение. Большевики очень преувеличивали собственную роль. Самый известный: *Ал-др Гаврилович Шляпников*, член Русского бюро ЦК, металлист.

Ставка. Вопросы, которые предстояло разрешать в Ставке, касались перемещения многочисленных воинских соединений. За 1,5 месяца намечалось перевезти по железным дорогам Империи **10 армейских корпусов**, для чего требовались около **пятисот** эшелонов. Времени до начала апрельских операций оставалось мало, перевозки следовало начинать в ближайшие недели. Решения, предлагавшиеся Ставкой, требовали Высочайшего утверждения, а также присутствия Верховного Главнокомандующего, постоянной связи и обсуждения текущих мероприятий с Главнокомандующими армиями всех фронтов.

Поэтому днем **22 февраля** император уехал из Петрограда в Ставку. Министр внутренних дел *Александр Дм. Протопопов* перед отъездом заверил монарха, что держит ситуацию под контролем.

Днем **23 февраля** Государь приехал в Ставку и немедленно провел часовое совещание с Алексеевым. В тот же день в ЦС Ольга и Алексей заболели корью.

4. Что произошло в Петрограде 23 февраля 1917 года? Насколько силен был элемент стихийности в беспорядках?

Социалист **Серг. Дм. Мстиславский**: *«Революция застала их (революционеров) как евангельских дев спящими».*

«Хвосты». Зачинщики — «рабочие женского пола». Очереди. Международный день работниц. Демонстрация. Смешение разных сил. Повторение на следующий день и на следующий. Лозунги *«Хлеба, хлеба».*

24 февраля Государь с тревогой отметил в дневнике заболевание корью своих детей, включая Наследника (Татьяна заболела 24-го). Мы предполагаем, что именно тогда он **впервые** задумался о возможном возвращении к семье, в Царское Село. Но пока решил отложить поездку до того момента, как только все важнейшие оперативные вопросы были бы рассмотрены и приняты на местах к исполнению.

В Ставке текла вполне мирная жизнь.

24 февраля Государь гулял, читал и писал.

25 февраля в Петрограде бастовали уже более **250 тыс.** рабочих, а многотысячные колонны демонстрантов стремились прорваться в центр города. Императрица же писала супругу:

«Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, — просто для того, чтобы создать возбуждение... Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам».

25-го февраля Николай Александрович встал поздно...

Около 15 часов Государь посетил монастырь, вечером молился на Всенощной, а затем занимался.

В Петрограде пролилась первая кровь... В этот день у демонстрантов на Знаменской пл. появились красные флаги. Сил полиции не хватало. И на Знаменской был убит пристав Крылов. Николай II телеграмма командующему войсками ПетрВО ген.-л. *Серг. Сем. Хабалову*: *«Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией».* **Особое положение округа.** Вечером у Хабалова совещание (командование округом и чины полиции): *«Надо стрелять».* Силовики: *Хабалов*, военный министр ген. от инф. *Михаил Алексеевич Беляев*, МВД *Ал-др Дм. Протопопов*, градоначальник ген.-м. *Ал-др Павлович Балк*, в меньшей степени: начальник Петроградского ОО генерал-майор *Конст. Ив. Глобачёв*.

До **двух часов ночи 26 февраля** начальник Штаба МВА руководил работой чинов Ставки по подготовке апрельского наступления и планированию военных перевозок. Ночью на 26-е шифровались последние распоряжения, передававшиеся из Могилёва в войска. Затем чины Ставки, кроме дежурных по службе, отправились отдыхать.

Штаб-офицер для делопроизводства и поручений при Управлении Генерал-квартирмейстера, заведовавший службой связи, подполковник *Борис Ник. Сергеевский* лег спать только около трех часов ночи. Около 08. 30. он завтракал с сослуживцами в штабной столовой, а затем отправился в Управление. *«И за кофе, и по пути, — свидетельствовал Сергеевский, — мы говорили о предстоящих в апреле операциях и совершенно не думали о “беспорядках” в столице».* По пути Сергеевский видел Государя, шедшего на воскресную литургию в сопровождении

нескольких чинов Конвоя. И только в Управлении Сергеевский ощутил тревожный настрой, в связи с полученными мрачными известиями из столицы.

Государь вел себя спокойно и в ответ на дурные вести, которые независимо друг от друга поступили от командующего Петроградским округом генерал-лейтенанта Сергея Сем. Хабалова — через аппарат Ставки — и от Ал-др. Дм. Протопопова — через дворцового коменданта ген.-м. *Владимира Ник. Воейкова*, писал Императрице:

«Я надеюсь, что Хабалов сумеет быстро остановить эти уличные беспорядки. Протопопов должен дать ему ясные и определенные инструкции. Только бы старый Голицын не потерял голову».

Хабалов, как мы помним, ничего остановить не смог.

Ник. Дм. Голицын же потерял не голову, а власть. Причем добровольно.

26-го: войска стреляют. Особенно неплохо: учебная команда волынцев (Л.-гв. штабс-капитан *Ив. Степ. Лашкевич*, 25 лет, знаменщик ПП кк, Алдр в/у в/оф, фф). Самодельные бомбы, но в основном по безоружным. Несколько десятков убитых, сотни раненых.

Вечер 26-го: инцидент на Конюшенной пл. в запасном батальоне Л.-гв. Павловского полка. Убит боевой офицер и командир батальона Л.-гв. полковник *Ал-др Ник. Экстен*. Арестованы 19 человек. Беляев: казнить, Хабалов: судить.

В годы войны гвардейская пехота буквально истекла кровью. В военное время гвардейский пехотный полк (по штату 1910 года) насчитывал 78 офицеров, 10 военных чиновников, 16 вольноопределяющихся и 4261 нижнего чина. Чтобы представить уровень потерь элитных частей, достаточно отметить, что в качестве пополнения павловцы получили 173 офицера и 16348 нижних чинов, волынцы — 144 офицера и 16275 нижних чинов, измайловцы — 197 офицеров и 15059 нижних чинов, московцы — 146 офицеров и 14968 нижних чинов, преображенцы — 140 офицеров и 14092 нижних чина, лейб-егеря — 150 офицеров и 13728 нижних чинов, семеновцы — 152 офицера и 13607 нижних чинов, и т. д. Таким образом, гвардейские пехотные полки сменили несколько составов, потеряв накануне революции не только однородность, но и своё предназначение по защите престола.

Ставка продолжала работать по заведенному плану. И в 21. 20. Государь отправил в Царское Село Императрице дополнительную и **очень важную** телеграмму:

«Выезжаю послезавтра. Покончил здесь со всеми важными вопросами. Спи спокойно».

Отъезд из Могилёва был назначен на 28 февраля, но его целесообразность ни с кем не обсуждалась.

Тем же вечером монарх играл в домино.

Вечером 26-го произошел *психологический перелом* и у революционеров («межрайонец» *Конст. Конст. Юрнев*), и в войсках.

5. Какие носители легитимной власти существовали в стране в конце февраля 1917 года?

Император, Правительство и ГД. + командование ПВО.

Настроение испортил возбуждённый Родзянко.

26 февраля (перелом в событиях уже наступил) Михаил Владимирович отправил из смятённой столицы в Могилёв две телеграммы: одну — Государю, другую — Алексееву. Кроме того, Родзянко отправил копии Главнокомандующим армиями фронтов.

Почему Родзянко так поступил?

Потому что, будучи Председателем Думы, он чувствовал себя последним представителем легитимного государственного института — правительство князя Николая Голицына самоустранилось от событий и бодро шло ко дну. Хабалов пытался подавить беспорядки, но их размах вверг Родзянко в тихую панику. Паническим выглядело и содержание телеграмм, вот что он докладывал монарху:

В 22 часа получена: «Государь, спасите Россию! Ей грозит унижение и позор. Война при таких условиях не может быть победоносно окончена, так как **брожение распространилось уже на армию** и грозит развиться, если **безначалию и беспорядку власти не будет положен решительный конец**. <...> Государь, безотлагательно призовите лицо, которому может верить вся страна, и поручите ему составить правительство, которому может доверять всё население. За таким правительством пойдет вся Россия. В этот небывалый по ужасающим последствиям и страшный час иного выхода нет и медлить невозможно».

Государь, якобы, с досадой сказал Министру Императорского Двора графу *Владимиру Бор. Фредериксу*: «*Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать*». Даже если Фредерикс и несколько преувеличил в своих показаниях, трудно отрицать, что Государь приписал настроение Родзянко его паникёрству, и впечатление — по сути — своего монарха от телеграммы Председателя Думы, граф передал всё-таки верно.

Интересно, как отреагировал генералитет на возбужденные телеграммы, разосланные из столицы Родзянко. О реакции генерала от инфантерии *Николая Вл. Рузского* на Северном фронте мы уже писали — Рузский **поразился** тому, что о столь важных событиях, происходивших с 24 февраля, ему никто не доложил ранее. В своей телеграмме на Высочайшее имя генерал отметил два обстоятельства: 1. «*Ныне армия заключает в своих рядах представителей всех классов, профессий и убеждений, почему она не может не отразить в себе настроений страны*». 2. «*Позволю себе думать, что при существующих условиях меры репрессий могут скорее обострить положение, чем дать необходимое длительное умиротворение*». Последнее замечание Рузского, как показали принятые в Ставке решения, не произвело убедительного впечатления на Государя.

Генерал от кавалерии **Алексей Алексеевич Брусилов** на Юго-Западном фронте «при наступившем грозном часе» не видел другого выхода, кроме как последовать совету Родзянко — монарху следовало отправить Голицына в отставку и сформировать правительство, которое бы пользовалось «общественным доверием». Сейчас очевидно, что совет Брусилова к тому моменту, когда его

телеграмму получили в Ставке, безнадежно опоздал. **События обгоняли человеческую реакцию — ключевой фактор Февраля.**

Генерал от инфантерии *Алексей Ермолаевич Эверт* на Западном фронте телеграфировал МВА: *«Я — солдат, в политику не мешался и не мешаюсь. По отрывочным доходящим до меня слухам, насколько справедливо все изложенное в телеграмме по отношению внутреннего положения страны, судить не могу».*

Позицию Алексеева в тот момент очень хорошо охарактеризовал сам Государь в письме к Александре Фёдоровне:

«После вчерашних известий из города я видел здесь много испуганных лиц. К счастью, Алексеев спокоен, но полагает, что необходимо назначить очень энергичного человека, чтобы заставить министров работать для разрешения вопросов: продовольственного, железнодорожного, угольного и т. д. Это, конечно, совершенно справедливо».

Алексеева в телеграмме Родзянко смутила не идея создания правительства «общественного доверия» (о передаче Думе права формирования правительства речи ещё не шло). Опасения начальника Штаба вызвала впервые очерченная перспектива о возможном распространении смуты на армию.

Председатель Думы отчаянно просил Алексеева поддержать его ходатайство о создании правительства «общественного доверия» перед Государем. Забавно, что Родзянко, вероятно, на самом деле верил будто бы немедленное создание такого правительства (во главе с ним самим?) внесет успокоение в столицу.

Родзянко мог и преувеличивать, но что на самом деле происходило в Петрограде? Ответить на этот вопрос Алексеев не мог. Кроме того, здоровье Михаила Васильевича опять ухудшилось: вместе с новым болезненным приступом начала подниматься температура...

6. Что происходило в Ставке русской армии в Могилёве и почему император покинул Ставку? Как он оказался в Пскове?

В таком тревожном ожидании наступил **пн., 27 февраля. Главный день.**

27 февраля в столице взбунтовались чины запасных батальонов. Их насчитывалось примерно 160 тыс. человек (Ст. у/оф. учебной роты *Тим. Ив. Кирпичников* убил Л.-гв. штабс-кап. *Ив. Степ. Лашкевича*; учебная команда запасного батальона Л.-гв. Волынского полка). Поэтому Родзянко направил Николаю Александровичу в Могилёв новую телеграмму, выдержанную в ещё более тревожных тонах (требование: *правительство общественного доверия, не только об отречении речи ни шло, но и о передаче ГД права формировать пр-во*):

«Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец, и крушение России и с ней династии неминуемо. От имени всей России прошу Ваше Величество об исполнении изложенного. Час, решающий судьбу войск и родины, настал. Завтра может быть уже поздно. Последний оплот порядка устранен. Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом».

История отряда АПК (в районе Кирочной улицы блокирован: 6 рот, 15 пулеметов, 1,5 эскадрона).

Одновременно в Ставку пришла и телеграмма генерала Хабалова:

«Принимаю все меры, которые мне доступны, для подавления бунта. Полагаю необходимым прислать немедленно надежные части с фронта».

Первая запись в дневнике ГИ о беспорядках в столице.

Дерутся самокатчики полк. Балакшина на Сампсониевском пр.

Начались убийства офицеров. Хаос. С 23.2. до 4.3. убиты примерно 1,3–1,4 тыс. человек, в т. ч. нач. военно-лечебных заведений ген.-л., граф *Густав Эрнестович Штакельберг*, ген от арт. Ал-др *Вас. Чарторыйский* (отрезали голову), командир эскадрона НКУ полк. *Георгий Влад. Левенец* и др.

Левые создали в ТД Временный Исполком Петроградского Совета (меньшевики *Кузьма Ант. Гвоздев*, *Матвей Ив. Скобелев*, *Николай Семён. Чхеидзе*, соц.-дем., прис. пов. *Николай Дм. Соколов* и др.).

Итак, в Ставке все военачальники, включая Государя, **27 февраля** представляли себе, что столицу охватил анархический бунт. Его подавление становилось первоочередной задачей. Это в равной степени понимали и Верховный Главнокомандующий, и его начальник Штаба. Формально, однако, соответствующее повеление о назначении главного военного начальника для Петрограда отдал Государь. Это было совершенно логично и естественно не только по субординации, но и потому, что **Петроград и Петроградский военный округ не входили в театр военных действий**.

Алексеев не сомневался в том, что порядок следует восстановить как можно скорее. Хабалов, по мнению Михаила Васильевича, растерялся — вспомним оценку, которую дал Хабалову Генерального штаба полковник Михаил Дроздовский, служивший в то время на Румынском фронте. Алексеев, разговаривая по прямому проводу с генералом от инфантерии *Юрием Никифоровичем Даниловым* («Чёрным»), исполнявшим должность начальника штаба армий Северного фронта, подчеркивал:

«Минута грозная и нужно сделать все для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего».

Главная интрига заключалась в том, кто именно будет назначен главным военным начальником и отправлен во главе войск в столицу. Штаб-офицер для делопроизводства и поручений при Управлении Генерал-квартирмейстера подполковник Борис Ник. Сергеевский, заведовавший службой связи, сообщает, что разговор на эту тему между Государем и начальником Штаба закончился словами монарха: **«Но лицо Я изберу сам».**

Вероятно, *Алексеев предлагал свою собственную кандидатуру*, о которой мы поговорим позже. Но Николай Александрович не согласился с предложением и остановил свой выбор на генерал-адъютанте, генерале от

артиллерии Николае Ивановне. Историк Сергей Мельгунов в этой связи подчеркивал: *«Николай II хотел царствовать сам»*.

Вот как описывал «избранное лицо» Сергеевский:

«Все слышанные мною мнения сходились к одному: это был безусловно честный и преданный Государю генерал. Но его годы, и его характер совершенно не отвечали задаче решительного подавления революции, а его государственный кругозор — задаче поддержания или восстановления государственного порядка в столь важный политический момент».

Генералу Иванову шел 67-й год. О его статусе и качествах наглядно свидетельствует тот факт, что с марта 1916 года, практически целый год, он занимал бездеятельную должность... лица, состоявшего при Особе Его Императорского Величества.

Алексеев не был в восторге от выбора Государя, так как хорошо знал Иванова по совместной службе на Юго-Западном фронте в 1914–1915 годах. Тем не менее, ранним вечером он объявил Иванову о Высочайшем повелении. Отъезд Иванова с надежными воинскими частями из Могилёва был назначен Высочайшим повелением на 28 февраля. На подготовку экспедиции отводилось менее суток.

В Петрограде продолжал метаться Родзянко.

Он видел, что происходит с правительством и Председателем Совета министров. Михаил Владимирович мучительно пытался придумать какую угодно комбинацию, чтобы не дать рухнуть монархическому строю. Причем — и это доказывает искренность намерений Председателя Думы, не желавшего становиться «революционером» — в поисках нужной конструкции его поддерживал князь Голицын.

В результате Родзянко придумал следующий маневр. Он предложил генерал-инспектору кавалерии Великому князю Михаилу Александровичу объявить себя регентом и принять полноту власти в Петрограде. Голицын обрадовано согласился с замыслом: в этом случае бездеятельность правительства как бы прикрывалась образованием регентства.

Профессор ННГоловин оправдывал положение Совета министров: *«Слабость тех сил, на которые могло опереться Правительство для поддержания порядка в столице, объясняет до некоторой степени растерянность его»*. *«Но, — продолжал генерал, — растерянность Правительства в мартовские дни в еще большей мере обуславливалась кризисом чисто психологического характера»*. А настоящий кризис стал результатом событий предшествующих лет и моральной изоляции власти.

Михаил Александрович отнесся к предложению Родзянко и Голицына сочувственно. Но он **не мог и не хотел** принимать полноту власти в столице, **без разрешения** Государя.

Возникла пауза.

Вечером **27-го** в Ставке обедали (сегодня мы бы сказали — ужинали).

Новости из Петрограда ухудшались. Генерал Беляев докладывал:

«Положение в Петрограде становится весьма серьезным. Военный мятеж немногими оставшимися верными долгу частями погасить пока не удается; напротив того, многие части постепенно присоединяются к мятежникам. Начались пожары, бороться с ними нет средств. Необходимо спешное прибытие действительно надежных частей, притом в достаточном количестве для одновременных действий в различных частях города».

Между 18 и 19 часами Голицын направил на Высочайшее имя в Могилёв свой доклад (телеграмму). Председатель Совета министров просил о присылке популярного военачальника и давал понять, что необходима перемена правительства, доживавшего последние часы. Затем правительство **самораспустилось**. Алексеев доложил содержание голицынской телеграммы, которой Государь остался **очень недоволен**. В ответ монарх телеграфировал:

«О главном военном начальнике для Петрограда мною дано повеление начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же и относительно войск. Лично вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Относительно перемены в личном составе при данных обстоятельствах **считаю их недопустимыми**».

Затем Алексеева вызвал на провод Великий князь Михаил Александрович, вдохновленный проектом Родзянко. Великий князь просил начальника Штаба доложить на Высочайшее имя следующие обстоятельства:

1. Движение в столице приняло крупные размеры.
2. Необходимо увольнение всего состава Совета Министров (запоздалое требование, министры к тому времени уволились сами).
3. Единственный выход — *избрать лицо, которому Его Величество доверяет, и которое пользуется доверием «в широких слоях», возложив на него обязанности председателя Совета министров.*
4. Великий князь готов объявить об этом от имени Его Величества (проект «регентства» в усеченном виде).
5. Таким лицом мог бы быть князь Георгий Львов.

Алексеев уже знал, что Государь теоретически собирается покинуть Ставку, о чем сообщил Великому князю. Правда, он не знал, что отъезд состоится в ближайшие часы. *Михаил Александрович разумно посоветовал отложить приезд. И Алексеев отправился на Высочайший доклад.*

Подробности доклада мы не знаем, знаем лишь со слов разных современников об общем характере состоявшейся беседы. Но итог разговора был совершенно очевидным: монарх решил сам отправиться в Царское Село и все перемены в Совете министров надлежало **отложить** до его приезда. Иванов отправлялся в столицу с надежными войсками 28 февраля.

Не исключено, что после разговора по прямому проводу с Великим князем Михаилом, генерал Алексеев впервые засомневался: *только ли*

солдатский бунт происходит в столице — или речь идет о чём-то ещё более серьёзном?.. Поэтому вполне возможно, что Алексеев в осторожной форме советовал Государю согласиться с необходимостью смены Совета министров и заменой Голицына. Но монарх дал понять начальнику Штаба что ни его советы, ни советы, а тем более амбиции Великого князя Михаила, касавшиеся политических мероприятий, не имеют значения.

План Родзянко превратить Великого князя Михаила в регента рухнул. Теперь вместо правительства Голицына на сцену петроградской политической жизни выходил другой орган власти сомнительного происхождения — *Временный комитет Государственной Думы для восстановления порядка, и для сношения с лицами и учреждениями*. Сама ГД согласилась 27го февраля с отсрочкой сессии, но на частном совещании членов Думы возник этот самый ВК, которому МВР решил предоставить свой авторитет. Потому что: 1) правительство сбежало; 2) возник Исполком Петросовета. Т. е. умеренные элементы (либералы) организовались позже революционеров.

Историк Георгий Мих. Катков сообщает нам, что имена членов Комитета были объявлены только к полуночи с 27 на 28 февраля. Родзянко решил предоставить свой авторитет им...

Члены ВКГД (более десятка думцев): инженер *Ник. Виссар. Некрасов* (левый кадет, масон), левый политик *Ник. Семёнович Чхеидзе* (меньшевик, исполком ПС, масон), адвокат *АФК* (социалист, исполком ПС, масон), историк *Павел Ник. Милюков* (кадет), публицист *Вас. Вит. Шульгин* (монархист, фракция националистов) и др. + глава военной комиссии, депутат IV ГД от Могилёвской губ., ГШ полк. *Бор. Ал-др. Энгельгардт*.

Но и эта мера оказалась запоздалой, так как часами раньше в Таврическом дворце самочинно возник Временный Исполком Петроградского Совета рабочих депутатов, претендовавший на руководство **революцией**.

Сергеевский, заведовавший службой связи, сообщает нам еще одну важную подробность. Вечером 27-го февраля дворцовый комендант генерал-майор Владимир Воейков затребовал по Высочайшему повелению прямой провод на Царское Село (Дворец).

Несколько часов Воейков вел переговоры. Генерал выбегал с ворохом лент то к Государю, то на верхний этаж, к Алексееву, который лежал с температурой 39 градусов и болями в почке. *«Мне было ясно, что переговоры шли между Государем и Государыней и касались очень важных вопросов»*, — подчеркивал Сергеевский. Окончательно решался вопрос: вывозить ли Царскую семью в Ставку или Царю ехать к семье. А возможно, как полагал Мельгунов, между супругами речь шла и о более серьёзных вещах, например, об уступках в пользу «ответственного министерства».

Вполне вероятно, что именно после этих драматических переговоров с императрицей Государь записал в дневнике по итогам этого тревожного дня: **«После обеда решил ехать в Ц.[арское] С.[ело] поскорее»**.

Наступило **28 февраля**. Вторично Алексеев собирался докладывать монарху утром **28-го февраля**. Доклад не состоялся.

В час ночи Государь перебрался в свой литерный поезд.

Поклонники популярной версии «генеральского заговора» очень любят рассуждать как зловерный Алексеев и «генералы-предатели» по предварительному сговору организовали «давление» на монарха, чтобы вырвать у него отречение — в пользу либеральной «мировой закулисы».

Всё-таки очень вредно читать много специальной литературы.

На удивление едва ли не первым из генералов, попытавшихся оказать «давление» на Государя, стал самый убежденный монархист, генерал от артиллерии Николай Иванов, избранный Императором в качестве начальника «карательной экспедиции». Прощаясь с Государем в монаршем вагоне, за несколько часов до Высочайшего отъезда из Могилёва, Иванов попытался поднять острый вопрос о возможных конституционных уступках.

Этот разговор состоялся примерно между часом и тремя ночи.

Но Николай Александрович уклонился от обсуждения неприятной ему темы. Возможно, что Император вспомнил в какой политической обстановке ему пришлось даровать Манифест 17 октября 1905 года. Царь не видел смысла в очередных уступках под влиянием «случайного» столичного бунта.

В этом эпизоде для нас важна не столько традиционная реакция Императора, сколько тот важный факт, что **ночью 28 февраля** о конституционной монархии уже был готов поговорить даже Иванов, в чьей личной преданности Престолу никто не сомневался. Кризис самодержавия — как системы управления и принятия единоличных кадровых и политических решений в огромной, сложной и очень разной в культурно-социальном отношении стране — казался очевидным пожилому «диктатору», не блиставшему управленческими талантами. И самое прискорбное — Иванов не мог, конечно, тогда знать, что все конституционные уступки к 28 февраля безнадежно запоздали. «Красное колесо» набирало обороты.

При подаче автомобиля для следования на станцию НА сказал: *«Скажите Алексееву, что я все-таки уехал»*. Эти слова свидетельствуют о том, что при их последнем разговоре, очевидно, обсуждался вопрос о нецелесообразности отъезда Верховного Главнокомандующего в соответствии с пожеланиями Великого князя Михаила и здравым смыслом. Какие-то аргументы Алексеев привел. Государь к ним прислушался — или по-крайней мере начальнику Штаба так показалось. Не исключено, что речь шла о поездке императора вместе с эшелонами генерала Иванова: это было бы логично и нормально.

Но спокойствия так и не наступило.

Больного Алексеева мысль об отъезде монарха из Ставки в неизвестность угнетала. Она усиливала жар и мучительное состояние. Столбик термометра подбирался к отметке 40 градусов... Поэтому новость о том, что Государь совсем даже **не отложил**, а наоборот **ускорил** отъезд, и собирается уехать наступившей ночью, вызвала у начальника Штаба необычайную тревогу и сильное волнение.

Сергеевский передает слова Алексеева, которые ходили среди чинов Ставки: «*На колени стану, буду умолять не уезжать...*». Даже если слова начальника Штаба выглядели менее патетично, то смысл их был вполне ясен. Отъезд царя без войск, навстречу солдатскому бунту, и сегодня кажется труднообъяснимым. Даже если принять во внимание тревогу Государя за судьбу семьи, особенно больных детей, всё равно остаётся непонятным, почему он не отправился в Царское Село с войсками Иванова во второй половине дня. Алексеев, несмотря на лихорадку, приехал к поезду. Но уговорить монарха остаться или задержаться в Ставке Михаил Васильевич не смог.

Между четырьмя и пятью часами утра 28 февраля литерные поезда покинули Могилёв и исчезли.

Уехал Государь из Могилёва с убеждением, что беспорядки в Петрограде, происшедшие, как он наивно полагал «от роты выздоравливающих», легко будет локализовать. Масштабного кровопролития не предполагалось.

Итак, на рассвете во вторник **28 февраля** Государь уехал из Ставки.

Монархист Лев Тихомиров, находившийся в Сергиевом Посаде, записывал в дневнике:

«**28 февраля.** Здесь на улицах есть прокламации, но в массе непосвященной публики — полный хаос представления о совершающемся. Общее настроение — за восставших <...> В толпе говорят будто кто-то (князь будто бы) стрелял в Императрицу, но попал в руку и сам застрелился».

В такой сумасшедшей атмосфере, пока царские литерные поезда шли на Вязьму и Лихославль, в Петрограде разыгрывалась драма последних защитников Престола. Сначала их оплотом служило Адмиралтейство. Ночью 28 февраля здесь у командующего округом генерал-лейтенанта Сергея Хабалова оставалось примерно 600 пехотинцев (измайловцы, егеря и стрелки 3-го полка) и 500 кавалеристов, имевших 15 пулеметов и 12 орудий при 80 снарядах. До сих пор остается загадкой, почему Хабалов и военный министр генерал от инфантерии Михаил Беляев не вывели на улицы юнкеров столичных военно-учебных заведений?.. По-крайней мере павловцы и николаевцы (кавалеристы) готовились отчаянно сражаться.

Была ли это человеческая ошибка «Государевых людей» — по растерянности — или результат психологического неверия в возможность спасения старого порядка и, как следствие, нежелания рисковать жизнями будущих офицеров, нужных Армии на фронте?..

Поздней ночью Хабалов и его небольшой отряд перебрались в Зимний дворец, чтобы умереть под Императорским штандартом.

Однако в «российском Тюильри» драма превратилась в фарс. Современники отказали этим немногим мужественным людям в праве на роль швейцарских гвардейцев.

Хабалов решил проявить командную «волю», объявив Петроград на осадном положении. Соответствующий текст был написан и распечатан. Однако не нашлось клея (!), чтобы расклеить объявления на стенах зданий. Хабалов приказал разбросать афишки по улицам в виде листовок — их быстро подхватил ветер, а прохожие затаптывали бумагу в снег. Для замерзших и усталых чинов во дворце не смогли найти ни чая, ни хлеба. Дворцовое управление начинало свою работу лишь в 8 утра... До того времени голодным людям приходилось ждать.

Последнюю точку в фарсе поставил Великий князь Михаил Александрович. Он пришел в Зимний дворец в раздраженном состоянии от того, что его царственный брат не только отклонил план регентства, но ещё и выразил неудовольствие по поводу великокняжеского вмешательства не в свои дела. И после трех часов ночи Михаил Александрович попросил Хабалова... **вывести войска из дворца.**

Куда-нибудь. Куда угодно.

Великий князь **не хотел**, чтобы из дворца Дома Романовых — символа русской монархии — стреляли по толпе, тем более из пушек.

Просьба Михаила Александровича не была ни глупостью, ни трусостью. За минувшие сутки он увидел как брат отказался от его помощи и как бесславно разбежалось назначенное им правительство. Видимо, Михаил Александрович уже догадывался, что в ближайшие дни ему придется стать не временным, а **настоящим регентом** при Государе-подростке. И он **не хотел**, чтобы воцарение ребёнка состоялось через новое «Девятое января».

Мотив понятен — для ситуации, сложившейся ночью 28 февраля.

Но, поверив конспирологам, как легко было бы сказать, что и Великий князь Михаил Александрович «участвовал в заговоре Гучкова», и по решению какой-нибудь очередной масонской ложи целенаправленно лишил последних защитников русского Престола их последнего убежища!.. Ведь если подумать немного: ну чушь же полная.

Растерянный Хабалов не мог послушаться Великого князя и повел понурных людей обратно в Адмиралтейство. Генерального штаба полковник Евгений Месснер в этой связи писал очень зло:

«Части перешли к Адмиралтейству, но и оттуда их попросил удалиться Морской Министр Григорович, чтобы не пострадал от стрельбы Морской Музей (вернее: чтобы не пострадали нервы этого адмирала, который всю осаду Порт-Артура просидел в блиндаже и получил поэтому прозвище “пещерного адмирала”»).

Но далее он же признавал:

«Мы в Войске не имели представления, что такое толпа в сотню-другую тысяч “ставшая на дыбы” людей, и поэтому не могли понять, как можно было “дрейфить” и не решаться на энергичные действия. В скором времени и нам пришлось не решаться на энергичные действия, когда развал докатился и до Румынского фронта».

Днем отряд самораспустился или, как пишут мемуаристы и исследователи, «распылился». Солдаты вернулись в казармы, офицеры — на квартиры.

Пока в Зимнем дворце разыгрывался фарс, Председатель IV Государственной Думы Михаил Родзянко рассчитывал на то, что новорожденный Временный комитет Государственной Думы станет альтернативой для радикального Исполкома Петроградского Совета. Родзянко уже видел, как Комитет заместит собой исчезнувший Совет министров и обуздает революционную стихию.

Однако и члены Комитета вели себя вяло — они понимали, что нужно что-то предпринимать, но не могли решиться на активные поступки, например, на занятие Министерства путей сообщения (МПС) и установления думского контроля над железными дорогами.

Только утром **28-го** Родзянко совершил первый «революционный» шаг (чтобы его не опередил Исполком), согласившись на настойчивые просьбы инженера-путейца и думского депутата *Александра Ал-дра Бубликова* («Хорошо, если нужно, идите и занимайте его»). Обрадованный Бубликов помчался в МПС. И у чиновников МПС не возникло и тени сомнения по поводу полномочий новоявленного «министра».

Забавно, что в 1915 году Бубликов высказывал сомнения в справедливости требований «ответственного министерства», то есть в передаче права формирования Совета министров от монарха — Думе. Александр Александрович, будучи квалифицированным инженером-специалистом, не верил в способность думцев, зачастую не имевших управленческого опыта, руководить отраслевыми ведомствами. Ныне, вероятно, Бубликову казалось, что ситуация решительно изменилась.

Теперь через железнодорожный телеграф следовало объявить России о возникновении новой власти. Однако когда Бубликов передал Родзянко текст воззвания к железнодорожникам, то Михаил Владимирович принялся его редактировать. Председатель Думы решительно вычеркнул слова: «Старая власть пала», заменив их своими: «Старая власть оказалась бессильной». «Как можно говорить “пала”, — недоумевал Родзянко. — **Разве власть пала?**» И Бубликов начал сообщать всей России, что функции правительства перешли в руки Временного комитета Государственной Думы (*«Государственная Дума взяла в свои руки создание новой власти»*).

28 февраля на поведение Родзянко очень сильно повлиял приход к Думе многочисленных воинских чинов, в том числе офицеров, искавших **кого-нибудь**, кому можно было бы подчиниться. Не осталось ни военного министра, ни командующего округом. Этот «кто-то» нашелся в лице Временного комитета Государственной Думы и лично Родзянко, переживавшего, как ему казалось, свой «звездный час».

В эйфории Родзянко стал представлять себе, что революционная стихия входит в русло нормального управления. Вот-вот прекратятся эксцессы. Государю следовало лишь утвердить новый состав Совета

министров во главе с Председателем Думы и сформировать «ответственное министерство» — тем самым политическим изменениям придавался бы легитимный вид, и революция становилась **юридически ничтожной**. К сожалению, как справедливо отмечал Сергей Мельгунов, «не Дума руководила стихией, а стихия влекла за собой Временный Комитет».

Родзянко даже хотел выехать из Петрограда, чтобы в пути встретиться с Государем. Но эта поездка, которая бы могла иметь важные последствия, не состоялась. Не только члены Исполкома Петросовета, но и некоторые члены Временного комитета боялись, что Родзянко «сговорится» с Императором, Алексеевым и генералитетом, и станет единоличным диктатором «русской революции», сохранив при этом и династию, и монархический строй.

Сам Родзянко чувствовал себя в Комитете неуверенно. Существует версия о его «моральной изоляции» от других членов Комитета, не видевших в нем будущего премьера. В результате Михаил Владимирович стал искать себе крепкую опору — и решил обратиться к генералитету. К этому его подталкивали не только личные амбиции, но и активность социалистов.

Пока в Петрограде пылали политические страсти, в Ставке в Могилёве продолжалась **внешне** спокойная жизнь. Подчеркиваем — «внешне». Неизвестность усиливала нарастающую тревогу. Месснер восклицал: «На протяжении 40 часов — каких часов! — Россия была без Царя, а действующая Армия без Верховного Главнокомандующего».

28 февраля в 11 часов утра (по другой версии — днем) из Могилёва через Витебск и станцию Дно на Царское Село выехал эшелон Георгиевского батальона (примерно 800 чинов). Вагон генерала Иванова — Главнокомандующего Петроградским военным округом, которому отныне подчинялись «все министры» — прицепили к поезду в Орше.

Иванов **не собирался** «штурмовать» Петроград одним батальоном (правильно ли?), а намеревался **ждать** в Царском Селе сосредоточения выделенных с фронтов частей (всего 13 батальонов, 16 эскадронов и 4 батареи). К тому времени избранные полки (4 гвардейских, 2 кавалерийских, 4 пехотных, 2 казачьих — 45 эшелонов) уже готовились к отправке или грузились. Здесь, кстати, нужно отметить, что их отправка нарушала разработанный Ставкой план переброски войск в связи с генеральным наступлением, намеченным на апрель.

Вновь дадим слово Месснеру:

«Странным было то, что Царь не повел Сам эти войска, а поручил одному из генералов спасти трон. Николай I поступил иначе в день бунта декабристов: сам повел верные ему войска. Через недели и месяцы после февральских событий мне не раз говорили петербуржцы, что при создавшемся настроении только войска во главе с Государем могли победить восставшую против Государя военную чернь в столице. Говорили это не только люди, критиковавшие Государя, но говорили и люди, оставшиеся Ему преданными: в их словах не было явно выраженного осуждения, но тайный упрек был. Почему же Император не стал во главе отряда, направляющегося в бунтующий Петроград? об этом можно лишь гадать: был ли

Он не вполне офицером и поэтому не почувствовал, что надо самому идти в атаку? Не понял ли Он, не ощутил, не почувствовал, серьезности положения и поэтому счел достаточным отставку генерала? Или наоборот, понял ли Он отчаянность положения и растерялся (как бывает, теряется в бою офицер, великолепно действовавший в других боях)»?

Между 13 и 14 часами Алексеев разослал командующим фронтами телеграмму № 1813, в которой на основании донесений Хабалова и Беляева подробно описывал события в столице, происшедшие в период с 25-го и до утра 28-го февраля. Начальник Штаба отмечал, что головной эшелон первого полка — 67-го пехотного Тарутинского — направленного с ближайшего Северного фронта, подойдет в Петроградский район к утру 1 марта. Никакого «саботажа» в отprawке войск **не было**, войска в столицу направлялись на самом деле. Заканчивалась алексеевская депеша № 1813 такими важными словами:

«Только что получена от генерала Хабалова телеграмма, из которой видно, что фактически влиять на события он больше не может. Сообщая об этом, прибавлю, что на всех нас лег священный долг перед Государем и Родиной — сохранить верность долгу и присягу в войсках действующих армий, **обеспечить железнодорожное движение и прилив продовольственных запасов**».

Директор Дипломатической канцелярии при Ставке, камергер *Николай Ал-др. Базили* в этой связи подчеркивал: *«С этого момента предохранить порядок и единство армии, так же, как и удержать транспортное сообщение, стало главной заботой Алексеева»*.

28 февраля Государь днем проехал Вязьму и в 15 часов телеграфировал Императрице в Царское Село: *«Надеюсь, что вы хорошо себя чувствуете и спокойно. Много войск послано с фронта»*. В 21 час литерные поезда проследовали через Лихославль. Здесь Николай Александрович узнал о создании «правительства Родзянко», которого он, естественно, не назначал. Известие о самороспуске правительства князя Николая Голицына произвело на него тяжелое впечатление. Тем не менее, монарх сохранял выдающееся спокойствие. От Лихославля поезда пошли на Малую Вишеру.

Во второй половине дня, скорее всего *ранним вечером 28 февраля*, Алексеев стал предполагать, что в Петрограде произошел не солдатский бунт, а **нечто большее**. Такое впечатление у начальника Штаба сложилось под влиянием сообщений Родзянко, приходивших в Ставку — и принадлежали они не анонимным мятежникам и социалистам-бунтовщикам, а вполне себе уважаемому Председателю Думы.

Главные новости от Родзянко заключались примерно в следующем:

1. Правительство князя Голицына разбежалось. Возник вакуум власти (что было чистой правдой).

2. Чтобы заполнить вакуум, пресечь анархию и противопоставить какой-то властный орган социалистическому Исполкому Дума создала свое «правительство» (*что было почти правдой*).
3. «Взбунтовавшиеся» войска вместе с офицерами признают это «правительство» за центр власти. Стихия успокаивается, люди приходят в себя (*что было правдой лишь отчасти; однако «защитников престола» в столице действительно не осталось*).
4. От Государя требуется узаконить существование «думского правительства» — это позволит избежать гражданской войны и массового кровопролития в Петрограде, которые могут самым серьезным образом отразиться на положении фронта (*во что Родзянко искренне верил*). **Т. о., первое «революционное требование» было сформулировано МВР только вечером 28 февраля и заключалось оно в том, чтобы узаконить ВКГД и дать ему статус СМ, ни о каком отречении речи ни шло.**

В результате полученных сведений Алексеев отправил генералу Иванову (с копиями командующим фронтами) телеграмму № 1833 следующего содержания:

«Частные сведения говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие. Войска, примкнув к **Временному правительству** в полном составе, приводятся в порядок. Временное правительство, под председательством Родзянки, заседа в Государственной Думе, пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка. Воззвание к населению, выпущенное Временным правительством, говорит о **незыблемости монархического начала России**, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства. **Ждут с нетерпением приезда Его Величества** (в Царское), чтобы представить ему все изложенное и просьбу принять это пожелание народа. **Если эти сведения верны**, то изменяются способы Ваших действий, **переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы**, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учреждения, заводы и пустить в ход работы. Воззвание нового министра путей Бубликова к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт. Доложите Его Величеству все это и убеждение, что дело можно привести к хорошему концу, который укрепит Россию».

Ключевых фраз в алексеевской телеграмме № 1833 три:

1. «О незыблемости монархического начала России»;
2. «Ждут с нетерпением приезда Его Величества»;
3. «Если эти сведения верны».

Если поступившие сведения оказывались **неверными** — что Иванову предстояло выяснить на месте — то «способы действий» надлежало оставить прежними. Конспирологическое предположение о предварительном сговоре

Алексеева и Родзянко мы отмечаем как совершенно фантастическое. 10 марта 1917 года Родзянко писал Председателю Временного правительства именно о том, что начальник Штаба категорически отказывался от любых «сговоров».

Из телеграммы № 1833 видно, что генерал Алексеев **более всего опасался новой Смуты, способной погубить фронт накануне решающего наступления**. И если предстояло выбирать *между Смутой и компромиссом Государя с Думой*, то компромисс выглядел менее рискованным.

Возникает неизбежный вопрос: почему Алексеев поверил Родзянко?

Во-первых, потому что Родзянко оставался главой последнего легитимного государственного органа власти, который сохранялся в столице — Государственной Думы. И тот факт, что именно Дума приняла на себя задачу по созданию центра власти в условиях хаоса и анархии — статус этого правительства рассматривался как «Временный» — успокаивал, казался логичным и вселял надежду, что кровавой междоусобицы удастся избежать.

Во-вторых, потому что других источников о ситуации в Петрограде в Ставке не было.

В-третьих, потому что самоликвидация правительства Голицына, беспомощность генералов Хабалова и Беляева наглядно показали: *старая система кадровых назначений неэффективна, требует обновления — и без компромисса с Думой далее управлять государством нельзя. Доуправлялись*.

«Алексеев впал в роковое заблуждение», — возразит иной недоверчивый читатель.

Попробуем разобраться.

Здесь сразу хочется возразить, что назначение Государем в критический момент войны в качестве первых лиц таких персонажей как *Голицын, Хабалов и Беляев*, показавших перед лицом кризиса свой полный непрофессионализм, оказалось еще **большим заблуждением**. И коммуникация между Родзянко и Алексеевым — прямое следствие беспомощности перечисленных лиц.

Выдвинутое против начальника Штаба обвинение вряд ли справедливо — оно сформировано постфактум, под сильным впечатлением от печальной российской истории следующих 100 лет. Это **антиисторичный подход**.

Реакции и поведение участников событий следует оценивать лишь в строгом контексте эпохи, **реалий времени** (*в нашем случае — считанных дней*) и с учетом того опыта, которым они располагали к 28 февраля 1917 года. Пусть критики попытаются поставить себя на место Алексеева...

Вместе с тем нельзя не признать, что отсутствие в Ставке объективных источников информации о реальном положении дел в Петрограде сыграло негативную роль. Однако в этом была беда, а не вина Алексеева.

Положение Михаила Васильевича к концу этих драматических суток стало очень сложным, не говоря уже о высокой температуре и об очередных приступах тяжелой болезни. Ни от Иванова, который спокойно двигался на Царское Село, ни от Государя, находившегося по пути к Малой Вишере, известий не поступало.

В такой обстановке часы в служебном кабинете начальника Штаба пробили полночь и наступило 1 марта.

Ночью 1 марта, примерно к 3 часам, царские поезда достигли Малой Вишеры. Здесь произошла **перемена маршрута** — одно из важнейших событий в драматической истории Февраля. Государь описал его так: *«Ночью повернули с М. Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими»*.

Назад — это на Бологое.

Вопрос о том, что на самом деле ночью 1 марта происходило на станции Любань, остается открытым. Есть версия, что не происходило ничего революционного, кроме разгрома станционного буфета. Но пассажирам литерных поездов вполне мог мерещиться призрак «восставших». Почему — «призрак»? Потому что войска «диктатора» в то же время продвигались к столице достаточно спокойно.

Генерал от артиллерии Николай Иванов, следовавший с Георгиевским батальоном по более короткому пути — через станцию Дно — без особых сложностей и затруднений следовал на Царское Село. Эшелоны двух первых пехотных полков — 67-го Тарутинского и 68-го Бородинского, соответственно — на станцию Александровская и Лугу.

Почему Государь приказал ехать в Псков? Ведь у него была альтернатива казалось бы наиболее логичная — вернуться в Могилёв. Вероятно, в принятом решении свою роль сыграли два мотива. О первом красноречиво свидетельствует запись в дневнике Николая Александровича, сделанная в тот же день: *«Доехать до Царского не удалось. А мысли и чувства всё время там!»* Псков был ближе к Царскому Селу, чем Могилёв.

Но не менее важным представляется и второй мотив — возобновление постоянной оперативной связи со всеми участниками событий, включая Председателя Думы Михаила Родзянко, который накануне что-то там возглавил без Высочайшего повеления. В Пскове, в штабе Северного фронта, находился аппарат Юза, позволявший поддерживать связь и с Могилёвом, и с Петроградом, и с Царским Селом. Поэтому поезда выехали из Малой Вишеры на Бологое, чтобы оттуда проследовать на Псков.

Что происходило в Ставке?

Алексеев ночью 1 марта переживал мучительную неизвестность.

Примерно около часа ночи, когда царские поезда шли на Малую Вишеру, а Родзянко в Петрограде еще наивно надеялся выдать революцию за «нарушение правопорядка», Михаил Васильевич подготовил толстый пакет, адресованный на имя генерал-инспектора артиллерии Великого князя Сергея Михайловича. С ответственным поручением к нему отправился штаб-офицер для делопроизводства и поручений при Управлении Генерал-квартирмейстера подполковник Борис Сергеевский, заведовавший службой связи. Пока искали машину и уточняли дорогу к дому, где в Могилёве жил Великий князь, прошло некоторое время. По пути в машине кончился бензин (очень по-русски, кстати). Сергеевский остаток пути прошел пешком и добрался до дома Великого князя к двум часам ночи или чуть ранее.

Великий князь, узнав о прибытии штаб-офицера с пакетом, немедленно поднялся и принял его. Точное содержание этого важного пакета до сих пор неизвестно. Мы знаем лишь, что в нем находились какие-то телеграфные ленты и бумаги. Познакомившись с содержанием, Великий князь Сергей просил передать Алексееву короткий ответ, запомнившийся Сергеевскому так: «Я вполне согласен с Вами». Сам Сергеевский пространно описывал состояние Алексеева в ту тяжелую ночь следующим образом:

«Тяжкие сомнения волновали в эту ночь больного генерала: гибнет в России Царская власть; вместо победы во внешней войне, которая, казалось, уже в руках, в пылу революции и гражданской войны Россию ждет внешнее поражение. Да и власть революции либеральной не обеспечена: уже виднеются зубы прямых ненавистников национальной России, прямых изменников и злодеев...

А огромная, вчера ещё мощная Российская Империя уже сутки находится без всякого Правительства, без всякого оповещения населения, без всякой руководящей мысли сверху.

И есть только один человек, который практически может немедленно сказать властное слово — это он, Алексейев.

В его руках, в отсутствие Государя — Верховного Главнокомандующего, еще ненарушенная организация 11-миллионной Армии. Он, Начальник Штаба, имеет юридическое право отдать по армии любое повеление именем Его Величества. И он, думается мне, давно обдумывал это повеление: если Государь отвергает путь уступок, то необходимо всю территорию Империи объявить на военном или даже на осадном положении. Все гражданские власти, и самих министров, подчинить авторитетному, умному и решительному генералу. И генерал этот налицо — Великий князь Сергей Михайлович...

Но как же объявить: “Государь Император повелел”, когда Он НЕ повелел и даже когда он назначил другое лицо, и когда это лицо где-то существует, но ничего не делает из того, что нужно сделать: немедленно назначить новых министров, учредить военно-полевые суды, повелеть кровью и железом подавить восстание, а в то же время объявить хотя бы видимость либеральной реформы.

Это то единственное, что, может быть, могло еще остановить вырывающегося на свободу “Зверя”.

Назначение Великого князя — Диктатора, есть последняя попытка спасти Царя и Династию. Но такое действие Алексеева было бы обманом всей страны: “Государь повелел”, когда Он не повелевал. Он “назначил”, когда Он именно эту кандидатуру отверг; “кровь и железо”, когда Он считает, что Царская власть должна удержаться “без пролития крови”...

Иначе говоря, ген. Алексейев должен отдать именем Государя повеления, прямо противоположные Его желаниям и Его мирозерцанию, и, больше того, он, ген. Алексейев, не должен считаться даже с личной опасностью для Царской Семьи, находящейся в районе восстания... Он, Алексейев, должен идти на то, что его сочтут захватчиком власти и честолюбцем. И все это нужно сделать, чтобы только попытаться спасти Родину и Царя».

Мы можем лишь предполагать, о чем советовались Алексейев и Великий князь Сергей Михайлович ночью 1 марта. Скорее всего, обсуждался вопрос о

том, мог ли Сергей Михайлович, помимо Высочайшего повеления, принять на себя диктаторские полномочия. Однако история с провалившимся «регентством» Великого князя Михаила ясно показала — не мог. Сергей Михайлович, зная трепетное отношение Николая Александровича к малейшим покушениям на Высочайшие права, действовать самочинно уже не желал.

Кроме того, мы полагаем, что Великий князь Сергей посчитал правильным поддержание контакта с Родзянко и Временным комитетом Государственной Думы. Дума в глазах военных осталась последним **легитимным** органом власти в столице — после самоликвидации правительства Голицына. Поэтому выход на авансцену Родзянко казался вполне логичным, тем более что он создавал видимость управления событиями в Петрограде.

Показателен и тот факт, что Алексеев **не поехал** сам к Великому князю, а послал с пакетом офицера в чине **подполковника**. Во-первых, генерал чувствовал себя очень плохо: боли в почках не утихли, температура не спала. Во-вторых, не опасался ли Михаил Васильевич, что его личный визит к члену Дома Романовых, во внеслужебное время, при определенных обстоятельствах мог бы получить в глазах Императора предосудительную оценку?..

Малоизвестный рассказ Сергеевского в известной степени дополняют важные рассуждения Генерального штаба полковника Евгения Месснера, служившего тогда на Румынском фронте в штабе 15-й пехотной дивизии. Обязанности начальника штаба исполнял Генерального штаба полковник Михаил Дроздовский. Месснер писал:

«На протяжении 40 часов — каких часов! — Россия была без Царя, а действующая Армия без Верховного Главнокомандующего. Винят сейчас генерала Алексеева, что он в отсутствие Царя из Ставки, не принял мер к подавлению бунта в Столице. Говорят это невежды. Согласно “Положению о Полевом Управлении Войск”, Верховный Главнокомандующий распорядился войском и той частью территории, которая была включена в Театр Военных Действий. По отъезде Верховного Главнокомандующего из Могилева автоматически во временное исполнение его обязанностей вступил Начальник Штаба генерал Алексеев. Но его власть распространялась только на Действующую Армию и на Театр Военных действий. Петроград уже не лежал в границах этого Театра. В начале войны весь Петербургский военный округ был включен в Театр, но потом начались трения между правительством и Ставкой (ее министры обвиняли, что она мнит себя вторым правительством), и было решено, что городу, в котором пребывает правительство, нельзя быть военной властью — столица была выключена из театра Военных Действий. <...>

Государь в своем лице соединял и Царскую власть и Власть Верховного Главнокомандующего. Вторая из Властей временно перешла к Алексееву (до той поры, пока Царь не прибыл в Псков, и не установилась поэтому телеграфно-телефонная связь его с Генералом Алексеевым). Но первую из властей — Царскую — Царь увез с собой и не мог ею пользоваться на протяжении 40 часов

путешествия. Алексеев не имел никакого права распоряжаться усмирением бунта в столице. Говорят: он должен был проявить инициативу и, хотя бы незаконно, распространить свою власть на столицу. Тоже говорят и о генералах Хане Нахичеванском и Келлере: они должны были не телеграммы слать Государю, а поднять по тревоге свои кавалерийские корпуса и идти на взбунтовавшуюся столицу.

Это — чрезвычайно штатское мнение!

Было бы естественно, если бы Начальник, скажем, Павловского Военного училища (расположенного в Петрограде) при виде буйствующей толпы, вывел свой юнкерский батальон на улицу и, не дожидаясь чьего-либо приказа, и даже не спрашивая у начальства разрешения, открыл огонь по бунтовщикам. Это было бы по-суворовски: «Местный — по обстоятельствам видит». Тут не надо ни распоряжения, ни решения: «Целься! Пли!» Но генерал Келлер не мог, не имел права поднять свой Корпус по тревоге и самостоятельно вести его для подавления бунта. У него была оперативная задача, которую он сбросить с себя не имел права. У него было начальство, которым он игнорировать не имел права. Если бы он игнорировал начальство и свою задачу и пошел бы подавлять революцию, то он сам уподобился бы революционерам: хотя и благонамеренное своеволие, но все же своеволие; хотя и пожелание подавить бунт, но все же — бунт. Генерал, прослуживший в офицерских чинах десятка три лет, и эти три десятка лет проживший в воинской дисциплине, не может вдруг стать революционером.

Так и генерал Алексеев не мог, вследствие своей офицерской сущности, присвоить себе права Верховной власти и распоряжаться усмирением бунта вне Театра Военных Действий».

И здесь же обратимся к записям из дневника монархиста Льва Тихомирова, который он вел ночью 1 марта, пока происходили вышеописанные события:

«Наша Монархия, по крайней мере, в самодержавной форме — рухнула. Перевороты у нас бывали, но на место одного Царя немедленно являлся другой. Теперь мы — пока — не знаем, кто правит нами, кто у нас Верховная Власть, и есть ли она. А у нас — страшная война. Вопрос в том, успеют ли лица, произведшие переворот, создать моментально беспорную власть?»

Вчерашняя власть была — невозможна и нестерпима. Если правда, что назначается диктатором Протопопов — то это акт безумия. Если при этом ещё распускалась Дума — то это архибезумие. Но надо же вместо этого иметь другую — прочную власть. И должен же народ получить оповещение о происшедшем. Такой акт должен явиться, моментально. Иначе мы будем в самом страшном положении».

Теперь сравним записи Тихомирова с содержанием очередной депеши Алексеева.

Утром 1 марта Алексеев подготовил на Высочайшее имя решительную телеграмму (*никакого ответственного министерства, никакого отречения*). По букве и духу принесенной присяги Михаил Васильевич обязался «верно и нелицемерно служить» и «об ущербе же Его

Величества интереса, вреде и убытке» докладывать. В результате начальник Штаба докладывал:

«Революция в России, а последняя неминуема, раз начнутся беспорядки в тылу, знаменует собой позорное окончание войны со всеми тяжелыми для России последствиями: Армия слишком тесно связана с жизнью тыла, и с уверенностью можно сказать, что волнения в тылу вызовут такие же в армии. Требовать от армии, чтобы она спокойно сражалась, когда в тылу идет революция, невозможно. Нынешний молодой состав армии и офицерский состав, среди которого громадный процент призванных из запаса и произведенных в офицеры из высших учебных заведений, не дает никаких оснований считать, что армия не будет реагировать на то, что будет происходить в России... Мой верноподданнический долг и долг присяги обязывает меня все это доложить В. И. В. Пока не поздно, необходимо немедленно принять меры к успокоению населения и восстановить нормальную жизнь в стране. Подавление беспорядков силою **при нынешних условиях** опасно и приведет Россию и армию к гибели. Пока Гос. Дума старается водворить возможный порядок, но если от В. И. В. не последует акта, способствующего общему успокоению, власть завтра же перейдет в руки крайних элементов, и Россия переживет все ужасы революции. Умоляю В. В. ради спасения России и династии поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия, и поручить ему образовать кабинет. В настоящую минуту это единственное спасение. Медлить невозможно, и необходимо это провести безотлагательно. Докладывающие В. В. противное, бессознательно или преступно ведут Россию к гибели и позору и создают опасность для династии В. И. В.»

Однако отправка телеграммы была задержана по формальной причине отсутствия связи с царскими поездами. Из содержания телеграммы очевидны три обстоятельства, в соответствии с которыми генерал Алексеев оценивал политическую ситуацию утром 1 марта:

1. В России более суток нет исполнительной власти, паралич которой грозит всероссийским кризисом и «выплёскиванием» революции за пределы столицы.
2. Применение голой силы — без какого-то политического маневра — «опасно и приведет Россию и армию к гибели», вызвав цепную реакцию по всей стране.
3. Таким политическим маневром может стать создание правительства «общественного доверия», которое и займется восстановлением порядка (при необходимости и с применением силы).

Обращаем внимание: в данной телеграмме нет не только **ни слова** об отречении, но даже о передаче права формирования правительства в руки Думы. Пока всего лишь: необходимо назначить популярное лицо и «поручить ему образовать кабинет». Причем ведь «лицом» мог быть не обязательно и не только Родзянко, а, например, Великий князь Сергей Михайлович.

Возможно, что здесь сыграл свою психологическую роль «казус 17 октября». Современники, во-первых, помнили, как разрядилось социальное напряжение после публикации Манифеста 17 октября 1905 года, а во-вторых — о том, какую роль в убеждении Государя сыграл Великий князь Николай Николаевич (Младший). Тем самым декабрьское восстание «крайних элементов» оказалось локализовано фактически еще до его начала.

Проблема заключалась в том, что в силу своего характера Михаил Васильевич совсем не походил на Великого князя, импульсивно грозившего пустить себе пулю в лоб в случае отказа колебавшегося монарха от подписания этого важнейшего документа.

Кроме того, в октябре 1905 года Николай Николаевич общался с Государем непосредственно, в то время как Алексеев ныне находился достаточно далеко от «центров событий» — и от столицы, и от царских поездов. В лучшем случае генерал мог слать телеграммы, не имевших силы личного убеждения. Все же пример успешного разрешения кризиса осенью 1905 года вполне мог припомниться 1 марта 1917 года: там — Манифест, здесь — популярное лицо. Результат: *умиротворение и консолидация*. Почему бы не повторить?

Начальник Штаба понимал, что революция — в отличие от солдатского бунта — не преодолевается путем примитивного насилия. Насилие, как и в 1905 году, должно сочетаться с какой-то позитивной программой, способной расколоть революционный лагерь и повлиять на успокоение страстей. Требовалась «бархатная перчатка на железной руке». Конечно, в идеале власти надлежало вести такую политику, чтобы вообще не доводить общество до революции, особенно в условиях войны. Но раз ситуация так сложилась, приходилось исходить из реальности.

Алексеев ещё **не знал**, что происходило 1 марта в Петрограде.

1 марта бесконечной лентой тянулись к Думе воинские части, заявлявшие о своей лояльности. Это, кстати, создавало у Родзянко иллюзию, что Временный Комитет способен контролировать ситуацию. Около 16 часов в Таврический дворец с частью Гвардейского экипажа пришел и Великий князь Кирилл Владимирович («*Я и вверенный мне Гв. экипаж присоединились к новому правительству*» АФ: «Кирилл ошалел»). Думаю, что вопреки более поздним легендам никакой красный революционный бант Великий князь на груди 1 марта не носил. Дума в его глазах оставалась последним легитимным органом власти, который давал надежду на успокоение.

Вместе с тем добровольный приход Великого князя Кирилла Владимировича в Таврический дворец имел огромное психологическое значение для наэлектризованной толпы. Да и для многих монархистов поведение Великого князя Кирилла олицетворяло справедливость, желанность — и даже разумность — поддержки Думы. Графиня Мария Клейнмихель, находившаяся тогда во дворце, вспоминала: «*Революционная осанка представителя Императорской Фамилии даже “восхищала” солдат*».

Однако вместе с тем уже ползли в солдатской массе неясные слухи о каких-то мифических офицерах, якобы намеревавшихся разоружить грядущей ночью солдат петроградского гарнизона. И вот-вот должен был родиться в этой взвинченной атмосфере пресловутый «приказ № 1», положивший начало разложению армии.

Днем **1-го марта** в Ставку начали поступать сведения о брожениях в Москве («**Полиция — отсутствует абсолютно, —** записывал в дневнике Тихомиров. — **Кто правит городом — никому не известно**»), а затем — и об убийствах офицеров на Балтийском флоте.

Командующий Балтийским флотом вице-адмирал *Адриан Ив. Непенин* телеграфировал в Ставку Алексееву, высказав категорическое мнение о необходимости пойти на уступки Думе. Более того, Непенин доложил, *что по собственному почину* приказал объявить матросским командам сообщение Родзянко о создании Временного комитета Государственной Думы в качестве нового органа власти («*Считаю, что только таким прямым и правдивым путем я могу сохранить в повиновении и боевой готовности вверенные мне части*»). Т. о., Непенин **был первым старшим начальником** русских вооруженных сил, признавшим власть Думы в условиях отсутствия власти в России в виде СМ.

В 14. 30. командующий войсками Московского военного округа генерал от артиллерии *Иосиф Ив. Мрозовский* телеграфировал в Ставку: «*В Москве полная революция. Воинские части переходят на сторону революционеров*». Революция начала расплзаться по России... И все поступающие тревожные сообщения **лишь укрепляли** начальника Штаба в правильности той точки зрения, которую он изложил монарху в утренней (до сих пор неотправленной) телеграмме.

Наконец, примерно около 17 час. Алексеев получил телеграмму дворцового коменданта Свиты Е. И. В. генерал-майора *Владимира Ник. Воейкова* о местопребывании литерных поездов, остановившихся из-за неисправности путей на станции Дно. Начальник Штаба приказал командованию СФ выслать навстречу поездам железнодорожную роту для обеспечения их беспрепятственного следования в Псков.

Около 18 часов Алексеев направил в Псков в штаб фронта свою утреннюю телеграмму для Государя. Не исключено, что ещё утром Алексеев колебался — отправлять ли её, с таким категорическим содержанием. Может быть в этом заключалась главная причина её задержки, а не в отсутствии формальной связи с литерными поездами. Но после донесений Непенина и Мрозовского сомнения отпали.

Вечером литерные поезда прибыли в Псков.

Император Николай Александрович начал знакомиться с телеграммами и сообщениями об обстановке.

В Петроградском районе в 21 час генерал Иванов с Георгиевским батальоном (800 чинов) без каких-либо сложностей добрался до Царского Села. Примерно тогда же 67-й Тарутинский пехотный полк достиг станции Александровская, а 68-й Бородинский лейб-пехотный — Луги. Другие части

находились в пути. Однако аудиенцию во дворце у Императрицы Иванов получил лишь следующей ночью. Потекли томительные часы ожидания.

После 21 часа Государь принял Главнокомандующего армиями Северного фронта генерала от инфантерии Николая Рузского. Рузский к тому времени уже получил телеграмму от Родзянко, из которой следовало, что Председатель Думы в Псков не приедет. Таким образом, роль «Главноуговаривающего» отводилась Рузскому.

Отметим вновь — ни о каком **отречении** речь ещё **не велась**. *«Я стал доказывать Государю необходимость даровать ответственное министерство, — рассказывал позднее Рузский Великому князю Андрею Владимировичу. — Самодержавие есть фикция при существовании Государственного Совета и Думы и лучше этой фикцией пожертвовать для общего блага».* Государь возражал, отвечая, что он ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится. Рузский предлагал согласиться с формулировкой: *«Государь царствует, а правительство управляет»*, но Николай Александрович утверждал, что она ему непонятна, *«надо быть иначе воспитанным, переродиться»*, чтобы её принять...

Сейчас лишь с горечью мы можем читать рассказ об этой странной дискуссии о смысле монархической государственности. И проблема здесь не в том, кого считать правым — Государя или Рузского. А в том, что **обе** концепции Верховной российской власти **поздним вечером 1 марта уже не отвечали реально сложившейся обстановке** и не могли быть реализованы. В России началась революция, расползавшаяся из столичных центров в губернские города. Поэтому спор между Императором и Главнокомандующим армиями Северного фронта в тот момент носил пустой и отвлеченный характер.

Кстати, интересно: если Рузский превышал свои полномочия и превращался в «изменника», то Государь ведь легко мог обратиться к чинам Свиты с приказом не только арестовать, но и расстрелять генерала. Прямо здесь, на месте. Но ведь Николаю Александровичу, по всей вероятности, даже такая мысль в голову не приходила.

В разгар полемики пришла новая телеграмма от Алексеева, отправленная из Могилёва в Псков около 22 часов. Начальник Штаба под тяжелым впечатлением от поступивших новостей и сведений о распространении революционного движения в Москве *прислал на Высочайшее утверждение проект манифеста, составленный директором Дипломатической канцелярии при Ставке камергером Николаем Базили. Вот это первый активный поступок МВА (около 22 часов 1 марта). И понятно, почему он состоялся. Но никакого отречения!*

Алексеев предоставлял на усмотрение Царя проект Высочайшего манифеста, умоляя его немедленно опубликовать. В этом документе **впервые открыто** говорилось об **«ответственном перед представителями народа министерстве»**, составить которое поручалось Председателю Думы.

Государь подумал... и согласился на «ответственное министерство».

...И вскоре вручил Рузскому свою телеграмму для Родзянко: «*Поручаю вам сформировать новый кабинет и выбрать министров за исключением военного, морского и иностранных дел*».

От «ответственном министерстве» — в телеграмме ни слова.

Три ключевых назначения монарх сохранял за собой.

Раздосадованный Рузский попросил генерала Воейкова сходить к Государю и спросить, почему он фактически переменял объявленное ранее решение. Уступка опять оказалась не только половинчатой, но и увы — запоздалой. Воейков с неохотой ушел.

Накануне роковых суток 2 марта:

Алексеев в Могилёве с нетерпением ждал реакции на присланный им проект манифеста...

Непенин в Гельсингфорсе ждал превращения Временного комитета Думы в Совет министров...

Великий князь Михаил Александрович в Петрограде ждал разрешения правительственного кризиса, который вот-вот мог перерасти в династический...

Иванов в Царском Селе ждал аудиенции у Императрицы...

Императрица ждала приезда супруга...

Главкомандующий армиями Северного фронта в Пскове ждал, когда половинчатая уступка Думе превратится в полноценную...

Император ждал, когда от него перестанут требовать уступок...

Родзянко в Петрограде ждал прямого прохода для переговоров с Рузским, так как **ситуация ухудшилась** и никакое «ответственное министерство» на самом деле уже не спасало положения... Об этом ещё никто не знал в Пскове и в Могилёве.

В 13-й комнате Таврического дворца у стола секретаря Исполкома Петроградского Совета Николая Соколова толпились «солдатские депутаты». Сочинялся «Приказ № 1»... Солдаты ждали приказа, который гарантирует им безопасность.

Часы пробили полночь. Наступило **2 марта**.

Роковые сутки **2 марта 1917 года** начались с запоздалых решений.

Государь с большим трудом и внутренним сопротивлением согласился на частичные уступки. Здесь важную роль сыграл манифест Алексеева и директора Дипломатической канцелярии при Ставке камергера Николая Базили, присланный **накануне вечером** из Ставки под впечатлением начальника Штаба Верховного Главкомандующего от поступавших сообщений о разрастании революции на флоте и в Москве.

В создавшейся ситуации Алексеев и Базили просили монарха передать право формирования правительства в руки Думы в надежде, что настоящая уступка произведет благоприятное впечатление и облегчит новому правительству задачу по восстановлению порядка.

Однако когда часы пробили полночь Главкомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии Николай Рузский так и не знал, будет ли в России правительство «ответственное» или

«полуответственное»... Император соглашался поручить Председателю Думы Михаилу Родзянко сформировать правительство — но желал сохранить за собой выбор министров *военного, морского и иностранных дел*. Интересно, почему на Государя **не давили** заговорщики?

Такое решение как будто бы придавало легитимность «революционному» статусу Родзянко. Высочайшим повелением он превращался в премьера и подбирал новых министров, а революция тем самым становилась юридически ничтожной. Но было понятно, что уклончивое разграничение полномочий на министерские назначения между монархом и Думой не разрешит политического кризиса и не устроит думцев. Поэтому Рузский нервно ждал, когда Государь согласится на следующую уступку и целиком откажется от наспех принятой концепции «полуответственного министерства» в пользу «ответственного».

Рузский надеялся, что монарх передумает еще раз.

Прискорбно, но **ночью** 2 марта никто из трех старших начальников — Императора, Алексеева и Рузского — еще **не имел понятия** о том, что учреждение в России «ответственного министерства» становится мерой **безнадежно запоздалой**, неспособной преодолеть раскол в политической и бюрократической элите страны и утолить революционных страстей. Возможно, что об этом смутно начал догадываться лишь Родзянко, не сумевший выехать из Петрограда в Псков. Медлительность связи, неясность обстановки и её быстрое изменение, а также удаленность друг от друга главных действующих лиц играли особо пагубную роль в драме Февраля.

Примерно в начале **первого часа** Рузский дождался Высочайшего решения. Государь согласился на «ответственное министерство» без оговорок. Интересно, как монарх мотивировал эту запоздалую «реформу», предпринятую, как и в октябре 1905 года, под давлением чрезвычайных обстоятельств: *«И Рузский, и Алексеев, с которым он много на эту тему раньше говорил, одного мнения, а ему, Государю, известно, что они редко сходятся на чем-либо вполне»*. Решение далось тяжело, *«но раз этого требует благо России, он на это по чувству долга должен согласиться»*.

Одновременно последовал Высочайший приказ генералу от артиллерии Николаю Иванову **не предпринимать** никаких активных действий.

Очевидцы вздохнули с облегчением, включая свитских.

Мораль этой «конституционной драмы» весьма интересна.

Во-первых, мы видим, как были наивны генералы Алексеев и Рузский, убежденные в том, что с введением 2 марта 1917 года «ответственного министерства» начнется общественное выздоровление от социальной болезни, развивавшейся в российском организме на протяжении десятилетий, а может быть и столетий, начиная от церковного раскола и подмены романовского самодержавия петровским абсолютизмом.

Во-вторых, поражает буквально толстовское **непротивление** Верховного Главнокомандующего. Флаг-капитан Его Величества адмирал *Константин Дм. Нилов* кипятился в своём купе и говорил свитским, что Рузского «надо арестовать и убить». Однако вместо того, чтобы отдать

приказ о смещении Рузского с должности ГК армиями Северного фронта и его аресте (или расстреле!), Государь сначала **часами его слушал**, а затем — не без психологического сопротивления, но всё-таки — **согласился** передать право формирования правительства Думе, о чём ранее и слышать не хотел долгие годы. Отметим, что и Нилов (и другие свитские) не пытались посоветовать (!) Государю «арестовать и убить» Рузского.

И здесь возникает вопрос: а не стал ли Рузский восприниматься в качестве «изменника» *современниками лишь постфактум?*.. А тогда, **ночью 2 марта** никто, включая Государя, его **ещё** не считал изменником?..

За минувшие дни после самоликвидации правительства князя Николая Голицына император **не отдал самого элементарного распоряжения: о назначении для Российской империи нового Совета министров** — взамен разбежавшегося. Такой Совет министров вместе с новым премьером мог быть создан где угодно: в Могилёве, Москве, Пскове, Нижнем Новгороде... вдали от мятежного Петрограда. Соответственно, именно это бы **законное** правительство, а не Комитет Родзянко вместе с неведомым Бубликовым подчинило бы себе железные дороги и телеграф Империи.

Кроме того, Родзянко в переговорах с Алексеевым тогда бы потерял свой главный козырь. Михаил Владимирович не мог бы сослаться на тот факт, что Временный комитет Думы возник под «давлением обстоятельств», в результате самоликвидации законного Совета министров. И, дескать, нет другого выхода, как превратить Комитет в Совет министров (с ним во главе).

Но вместо создания **легитимного центра исполнительной власти** в России Государь выслушивал горячие монологи Рузского, превратившегося в посредника между ним и Родзянко. И гадал — дать думцам право назначать всех министров или некоторых оставить за собой.

Если назначение министров прерогатива Государя — то где они?..

Если Рузский изменник — то почему он не смещен и не арестован?..

Невозможное поведение для монарха, верившего в неприкосновенность и дееспособность **собственного** самодержавия.

Но если в России самодержавие — то где же самодержец?..

Где — самодержавное управление в разгар кризиса?..

Как верно подчеркивал историк Сергей Мельгунов, *«мистические представления о власти находились в резкой коллизии с реальной жизнью»*.

В результате Высочайшие надежды на то, что Бог как-нибудь всё «устроит и управит» — без государственной воли, активных поступков и приказов самого царя, лишь скромно и незаметно присутствовавшего на сцене — оказывались ещё более наивными, чем упования Алексеева и Рузского на чудотворное «ответственное министерство».

Единственное Высочайшее назначение в те роковые дни — кандидатура генерала Иванова на должность начальника «карательной экспедиции» — и то оказалось неудачным.

2 марта в 0. 20. Иванову из Пскова ушла Высочайшая телеграмма: «Надеюсь прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада мне **никаких мер не предпринимать**».

Телеграмма очень показательная.

Весьма вероятно, что Государь в тот момент разделял иллюзии Алексеева и Рузского и верил, что «всё устроится» без кровопролития, если «ответственное министерство» способно успокоить страсти.

Трагизм ситуации заключается в том, что генерал Иванов и **не мог ничего предпринимать**.

Во-первых, потому что кровопролития страшилась Императрица.

Иванов побывал в Царскосельском дворце, проверил охрану и дождался аудиенции у Государыни («Милый старик Иванов сидел у меня от 1 до 2. 30. ночи и только постепенно вполне уразумел положение»).

Александра Фёдоровна вела себя совершенно спокойно, с невероятным самообладанием, но не скрывала опасений, что в Царском Селе **может пролиться кровь**. Она явно этого **не желала**. В беседе с Ивановым обсуждались два вопроса: скорейший приезд Царя и необходимость создания правительства, пользующегося доверием в обществе. «Только не поручусь, — показывал позднее Иванов, — что она сказала “ответственное”».

«Милый старик» был нужен Государыне не для того, чтобы штурмовать Петроград или даже охранять дворец, а для того, чтобы он отправился на станцию Дно — ей казалось, что супруг всё ещё там — и привез Государя в Царское Село. Тем самым решительно менялся характер всей «ивановской» экспедиции.

После аудиенции Иванов узнал, что к Царскосельскому вокзалу, где стояли георгиевцы, следует батальон пехоты с пулеметами и тяжелой батареей. Далее рассказ Иванова стал совсем непосредственным: **«Что же бой разводить? Я очень хорошо понимал, что если дойдет толпа, то тысячи уложишь»**. «Диктатор» решил вывести свой батальон на станцию Вырица, чтобы избежать случайных боестолкновений с подходившими революционными силами, хотя складывалось впечатление, по словам генерала, «как будто удираю».

Иванова трудно винить.

Невозможно «бой разводить», когда его никто не хочет.

Во-вторых, со своим батальоном в 800 штыков «милый старик», конечно, не собирался и не мог штурмовать Петроград.

И, наконец, в-третьих — первый из полков (68-й лейб-пехотный Бородинский), прибывший в распоряжение Иванова с фронта, наглядно показал, что он не горит желанием сражаться с мятежниками.

Около 2 часов ночи, пока Иванов беседовал с Александрой Фёдоровной, бородинцы (2 тыс. чинов, 8 пулеметов) двумя первыми эшелонами приближались к Луге. В Луге в районе вокзала находились примерно 1,5 тыс. взбунтовавшихся солдат местного гарнизона, имевших несколько учебных пушек и пулеметы без лент. По словам очевидца, *«бородинцы мирно спали в теплушках, и никто из солдат не попытался вылезти из поезда»*. Несколько революционных офицеров-зачинщиков прошли в офицерский вагон и потребовали от командира полка, полковника *Владимира Конст. Седачёва* — будущего большевистского «военспеца» —

сдать оружие. Сами бородинцы снесли на платформу винтовки. Вагон с пулеметами и гранатами отогнали на запасной путь.

На этом всё и закончилось.

В Луге осталась небольшая группа бородинцев для охраны полкового оружия, а обезоруженных чинов с офицерами мирно отправили в Псков.

Никто не думал стрелять, сопротивляться и «бой разводить».

Примерно в то же время в Петрограде **резко и к худшему** изменилось положение Родзянко. В глазах императора Николая Александровича, генералов Алексеева и Рузского, Родзянко был уже не Председателем Временного комитета, а главой нового правительства — законного, назначенного монархом и ответственного перед Думой.

На самом деле все трое искренне заблуждались.

Михаил Владимирович премьером стать не мог в принципе. Его попытки сохранить династию и «помирить» монарха с Думой, да ещё при помощи генералитета, сыграли скверную роль.

Ночь 2 марта. Пока Иванов слушал Императрицу и готовился выводить свой батальон в Вырицу, а бородинцы сдавали оружие Бог знает кому, в Петрограде шли доверительные переговоры между представителями Думского комитета и Петроградского Совета. Со стороны Комитета главную роль в них играл лидер парламентской оппозиции и кадетской партии *Павел Ник. Милюков*, а со стороны Петросовета — социалисты *Николай Дм. Соколов*, *Николай Ник. Суханов* (Гиммер) и *Юрий Мих. Стеклов* (Нахамкес).

В результате переговоров стороны обсудили основные кандидатуры по составу будущего Временного правительства. Председателем должен был стать князь *Георгий Евг. Львов*. Кандидатура Родзянко, который давно видел себя русским премьером, отводилась — скорее всего, за колебания между революцией и «старым порядком».

Для утреннего выпуска «Известий Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» набирался смертоносный «Приказ № 1». Содержание этого программного документа оставалось неизвестным не только для членов будущего Временного правительства, но даже и для некоторых членов Петроградского Совета.

Обо всех этих событиях ничего не было известно в Пскове и Могилёве.

В такой напряженной ситуации ранним утром состоялись знаменитые переговоры по прямому проводу между Родзянко и Рузским.

Главкомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии *Николай Вл. Рузский* ждал переговоров с Петроградом с облегчением. Михаилу Родзянко вручалась премьерская власть, а Думе — долгожданное «ответственное министерство».

Выход из кризиса представлялся вполне возможным.

Переговоры по прямому проводу между столицей и Псковом начались примерно в 3. 30. и продолжались **четыре** часа. Их **длительность** наглядно указывает не только на медленную работу существовавших тогда аппаратов связи, но и на то, какой **неожиданной новостью** для Рузского оказались рассказ и меры, предложенные в конце концов Председателем Думы.

Рузский с удовлетворением сообщил, вероятно, пытаясь подчеркнуть собственную роль, что Государь сначала хотел поручить Родзянко сформировать правительство ответственное лишь перед монархом, но **затем** пересмотрел решение в пользу Думы. Подтекст новости был очевиден: *«Теперь армия ждет мира и покоя»*.

Однако ответ Родзянко прозвучал как разорвавшаяся бомба:

«Его Величество и Вы не отдаёте себе отчёта [в том], **что здесь происходит**. Настала **одна из страшнейших революций**, побороть которую будет не так легко. В течение двух с половиной лет я неуклонно, при каждом моем Всеподданнейшем докладе предупреждал Государя Императора о надвигающейся угрозе, если немедленно не будут сделаны уступки, которые могли бы удовлетворить страну. Я должен Вам сообщить, что в самом начале движения, **власти в лице министров ступевались, и не приняли решительно никаких мер** предупредительного характера. Немедленно же началось братание войск с народными толпами, войска не стреляли, а ходили по улицам, и им толпа кричала “ура”. Перерыв занятий законодательных учреждений подлил масла в огонь, и мало-помалу наступила такая анархия, что Государственной Думе вообще, а мне в частности, оставалось только попытаться взять в свои руки движение и стать во главе для того, чтобы избежать такой анархии, при таком расслоении, которое бы грозило гибелью государству.

К сожалению, мне это не удалось, народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно. Войска окончательно деморализованы, не только не слушаются, но и убивают своих офицеров. Ненависть к Государыне Императрице дошла до крайних пределов».

Точка зрения, в соответствии с которой Родзянко **сгущал краски** и описывал Рузскому искажённую картину событий, верна лишь отчасти. К ночи 2 марта в Петрограде, возможно, действительно стало спокойнее, по сравнению с 28 февраля. Но это «спокойствие» было не результатом **усталости** солдатской массы и рабочих от революционных беспорядков, а **уверенности** в необратимости их результатов. Гораздо хуже складывалась обстановка на Балтийском флоте.

Определенную роль в «умиротворении», если о нем уместно говорить, играл компромисс между Петроградским Советом и Временным Комитетом Думы, в результате которого на свет рождалось Временное правительство. И параллельно, пока шли переговоры между столицей и Псковом, готовился к публикации знаменитый *«Приказ № 1»*, о чем ни Родзянко, ни Рузский не имели понятия. Родзянко также сообщил, что ему пришлось препроводить министров последнего Императорского правительства в Петропавловскую крепость, впрочем, он не исключал в будущем такой участи и для себя.

Михаил Владимирович подчеркнул: *«Агитация [социалистов] направлена на всё, что более умеренно и ограничено в своих требованиях»*. Заключительные слова на петроградской ленте прозвучали как гром:

«Считаю нужным Вас осведомить, что то, что **предполагается** Вами, уже **недостаточно, и династический вопрос поставлен ребром**».

Все эти новости, поступившие из Петрограда в Псков, выглядели для генерала Рузского совершенно неожиданными. Бунт превратился в страшную революцию... Войска неуправляемы... Стихийей управляют крайние элементы... Царские министры арестованы Председателем Думы (!)... Династический вопрос (!) поставлен ребром...

Рузскому обстановка рисовалась в другом виде. Он соглашался с тем, что надо умиротворить «народные страсти», чтобы продолжить войну — и не обесценить уже принесенные жертвы. Создание в структуре российской власти «ответственного министерства» и казалось средством такого умиротворения. Но как предполагалось разрешить династический вопрос?

Аппарат Юза отстучал мрачный ответ Председателя Думы:

«Ненависть к Династии дошла до **крайних пределов**, но весь народ, с кем бы я ни говорил, выходя к толпам и к войскам, — решил твердо довести войну до победного конца и в руки немцам не даваться».

И после критики прежних монарших фаворитов, включая Распутина, Родзянко добавил:

«Тяжкий ответ взяла на себя перед Богом Государыня Императрица, отвращая Его Величество от народа».

И затем вновь прозвучали роковые слова:

«Везде войска становятся на сторону Думы и народа, и **грозное требование отречения в пользу сына** при регентстве Михаила Александровича становится определённым требованием. Присылка генерала Иванова с Георгиевским батальоном только подлила масла в огонь».

Генерал от артиллерии Николай Иванов, как мы помним, совершенно не собирался «разводить сражение». Рузский, ошеломленный требованием отречения, поспешил заявить, что Государь ни в коем случае не желает гражданской войны в то время как страна ведет войну Отечественную:

«Со стороны Его Величества принимаются, какие только возможно меры, и было бы в интересах родины, и той Отечественной войны, которую мы ведём, желательным, чтобы **почин Государя, нашёл бы отзыв в сердцах тех, кои могут остановить пожар**».

И затем Рузский переслал Родзянко проект Манифеста, составленный в Ставке вечером 1 марта начальником Штаба Главковерха генералом от инфантерии Михаилом Алексеевым и директором Дипломатической

канцелярии при Ставке камергером Николаем Базили — о введении «ответственного министерства».

Рузский считал, что уговорив Государя на передачу исполнительной власти Думе, он сделал всё, что мог. Армиям требовалось бесперебойное снабжение и спокойные условия для оперативной деятельности. Приближалась весна, а вместе с ней — назначенное на апрель наступление...

Запоздалую уступку Родзянко категорически отверг:

«Сам вишу на волоске, и власть ускользает у меня из рук; анархия достигает таких размеров, что **я вынужден сегодня ночью назначить Временное правительство**. К сожалению, манифест запоздал, его надо было издать после моей первой телеграммы [26 февраля. — К. А.] немедленно... время упущено и возврата нет».

Бесперебойное снабжение войск обещалось.

Но: при бескровном решении династического вопроса. И в конце разговора Родзянко подчеркнул: *«Переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех»*.

Это было самое важное, что сообщил Родзянко Рузскому.

Однако не менее важную информацию Михаил Владимирович скрыл.

Родзянко **не рассказал**, что во Временном Комитете Думы произошел раскол, а он сам фактически остался в изоляции, без каких-либо шансов возглавить новый кабинет министров. Кадеты бросили Родзянко без всякого сожаления и Временное правительство составлялось без его участия. Закончив утомительный разговор с Псковом, Родзянко отправился писать Великому князю Михаилу Александровичу:

«Теперь всё запоздало. Успокоит страну **только отречение от престола** в пользу наследника при Вашем регентстве. Прошу Вас повлиять, чтобы это совершилось добровольно и тогда сразу всё успокоится. Я лично сам вишу на волоске и могу быть каждую минуту арестован и повешен. Не делайте никаких шагов и не показывайтесь нигде. **Вам не избежать регентства»**.

Часы показали 7. 30. Наступило **утро 2 марта**.

Рузский чувствовал себя измотанным и усталым.

Итак, для того, чтобы покончить с революционными беспорядками и восстановить нормальное управление, оставались два средства.

Первое. Развязать миниатюрную гражданскую войну, с активными действиями, например, от Пскова или Могилёва — на революционный Петроград. **Второе.** *«Добровольный и бесполезный»* переворот — отречение монарха в пользу Цесаревича при сохранении Династии. «Ответственное министерство» безнадежно запоздало, примирительный манифест Алексева и Базили отвергнут. Других вариантов не было.

Жуткую альтернативу Рузский понял и оценил. Итак: *мысль об отречении высказал МВР, а НВР её принял как неизбежность*.

Но Главнокомандующий армиями Северного фронта совершенно не собирался принимать исключительно на себя ответственность за тяжелый политический выбор. Монарх, тоже уставший за минувшие сутки, отдыхал, и Высочайшая аудиенция ожидалась лишь в 9. 30. Рузский не стал будить Государя, распорядился передать в Ставку содержание своего длинного разговора с Родзянко и отправился спать.

Для того чтобы представить себе психологическую атмосферу, в которой развивались события, обратимся вновь к дневнику москвича Льва Тихомирова. Вот что записал идеолог монархической государственности примерно в те самые часы, когда шли драматические переговоры между Родзянко и Рузским: *«По другим слухам — дело идёт об отречении»*. Рузский в Пскове ещё только прочитал это роковое слово на телеграфной ленте, а слухи о нём уже достигли Москвы, не вызвав неприятия даже у такого идейного монархиста как Тихомиров.

В Могилёве Алексеев пришёл в изумление, когда познакомился с содержанием переговоров между Родзянко и Рузским. На протяжении предшествующего дня Ставка получала регулярные донесения о разрастании революционных беспорядков в Москве и на Балтийском флоте, поэтому положение Петрограда — эпицентра волнений — вряд ли могло быть иным. Отказ Родзянко принять концепцию «ответственного министерства» произвел тяжёлое впечатление, хотя Алексеев, вероятно, понимал, что уступка непоправимо опоздала. Альтернативу отречению Михаил Васильевич представлял себе не хуже, чем Рузский.

Но начальник Штаба Верховного искренне поразился тому, что Рузский **не разбудил** монарха, и не поставил его в известность о сведениях исключительной важности. Поэтому он велел немедленно доложить Государю содержание состоявшихся переговоров. *«Слишком серьёзный момент, когда решается вопрос не одного Государя, а всего Царствующего Дома в России... Важна каждая минута, — писал в Псков Михаил Васильевич, — и всякие этикетки должны быть отброшены»*.

В утренние часы 2-го марта Алексеев, может быть как никто другой, чувствовал опасность, нараставшую для армии. Эта опасность исходила от паралича власти и полной управленческой прострации. **«Неизвестность хуже всего и грозит тем, что начнётся анархия в армии»**, — справедливо полагал Алексеев. Интересно, что примерно о том же в связи с полной неясностью политического положения писал в те дни в своём дневнике и Тихомиров.

Распоряжение Алексеева передавал в Псков Генерал-квартирмейстер Генерального штаба генерал-лейтенант *Александр Серг. Лукомский*. Принимал телеграмму генерал от инфантерии *Юрий Никифорович Данилов*, исполнявший должность начальника штаба СФ. Кроме распоряжения Алексеева, Лукомский просил Данилова доложить Рузскому от себя лично:

«Выбора нет и **отречение должно состояться**. Надо помнить, что вся Царская семья находится в руках мятежных войск... Если не согласиться, то,

вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать царским детям, а затем начнется междоусобная война, и Россия погибнет под ударом Германии, и погибнет вся Династия. Мне больно это говорить, но другого выхода нет».

Итак, вторым мысль об отречении высказал *Лукомский*.

Теперь слово «отречение» прозвучало и в телеграфной ленте, которая пришла из Ставки. Но мотивация Лукомского совершенно очевидна и не имеет никакого отношения к конспиративной ахинее о кознях «мировой закулисы» и результатах «жидо-масонского заговора». Более того: аргументы, которые привёл монархист Лукомский утром 2 марта, вряд ли могли быть другими — ведь именно этот генерал 27 февраля предлагал, чтобы Государь при необходимости ехал из Ставки не на опасность в Царское Село, а на фронт, в расположение войск Действующей армии.

Однако Данилов не стал будить Главнокомандующего:

«Генерал Рузский через час будет с докладом у Государя и поэтому я не вижу надобности будить Главнокомандующего, который только что, сию минуту, заснул и через полчаса встанет... Что касается неизвестности, то она, конечно, не только тяжела, но и грозна. Однако и ты, и генерал Алексеев отлично знаете характер Государя и трудность получить от него определённое решение. Вчера весь вечер до глубокой ночи прошёл в убеждениях поступиться в пользу ответственного министерства. Согласие было дано только к двум часам ночи, но, к глубокому сожалению, оно — как это, в сущности, и предвидел Главнокомандующий, явилось запоздалым... [Переоценка прозорливости Рузского. — К. А.] Я убеждён, к сожалению, почти в том, что, несмотря на убедительность речей Николая Владимировича и прямоту его, едва ли возможно будет получить определённое решение. Время безнадежно будет тянуться. Вот та тяжёлая картина и та драма, которая происходит здесь».

Ответная реплика Лукомского была короткой:

«Дай Бог, чтобы генералу Рузскому удалось убедить Государя. В его руках теперь судьба России и Царской Семьи».

В 9. 30. утра Рузский пришёл с докладом на Высочайшее имя.

Одновременно в Петрограде готовились к распространению «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» с ядовитым «Приказом № 1».

Высочайший доклад Главнокомандующего армиями Северного фронта генерала от инфантерии *Николая Вл. Рузского* начался в 9. 30 утра. Рузский, сохраняя внешнюю сдержанность, передал Государю ленту, содержащую его драматический диалог с Председателем Думы Михаилом Родзянко. Император внимательно и молча прочитал поданный текст. Подробности дальнейшего разговора мы знаем лишь в пересказе Рузского третьему лицу — оба вполне могут быть субъективны.

Очевидными нам представляются следующие положения.

Перспектива возможного отречения от престола оказалась для Николая Александровича столь же неожиданной, как и для самого Рузского во время его утренних переговоров с Родзянко. Династический вопрос, действительно, встал очень остро. Скорее всего, именно об этом и шла речь.

Вместе с тем проблема рассматривалась Николаем Александровичем не столько в политической, сколько в морально-нравственной плоскости: могли православный монарх в принципе отказаться от властного бремени и принятого на себя служения, а также — в какой степени требование об отречении пользовалось общественной поддержкой?..

Естественно, что Государь сомневался и оказался перед очень трудной дилеммой. Никакие социологические опросы в той беспрецедентной обстановке были невозможны. В известной степени их заменило обращение начальника Штаба Верховного Главнокомандующего к фронтовым командующим.

В конце доклада, вероятно ближе к 11 утра, Рузскому вручили срочную депешу, пришедшую в Псков из Ставки. Генерал прочитал её Государю вслух и, прежде чем отвечать, попросил время на размышление. Император тоже хотел обдумать ситуацию — и с тем отпустил докладчика.

Депеша, которую получил из Ставки Рузский, была знаменитой телеграммой № 1872 за подписью генерала от инфантерии Михаила Алексеева. Составил её Генерал-квартирмейстер Ставки, Генерального штаба генерал-лейтенант Александр Лукомский, но подписал текст Алексеев.

В телеграмме отправленной в 10. 15. командующим фронтами и флотами содержалось краткое изложение уже известных нам переговоров между Рузским и Родзянко. От себя Алексеев добавил:

«Теперь династический вопрос поставлен ребром, и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при использовании предъявляемых требований относительно отречения от престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находятся фактически в руках петроградского Временного правительства. Необходимо спасти Действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии нужно поставить на первом плане хотя бы ценой дорогих уступок». И далее следовало: «Если Вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу Его Величеству».

Телеграмма № 1872 служит еще одним бесспорным аргументом, опровергающим все конспирологические теории современных «черносотенцев». Истериические завывания о «жидо-масонском» или «генеральском» заговоре против императора Николая Александровича скрывают лишь обыкновенное невежество и дремучесть. Между тем при оценке исторических событий и мотивов сложного человеческого поведения

христианин особенно нуждается в трезвом и спокойном отношении к предмету своих размышлений.

Мы видим, что никакого спланированного «генеральского заговора» с целью принуждения Государя к отречению от престола **не существовало**. Позиция генералитета — в первую очередь Алексеева — **менялась под влиянием поступавших известий** о расширении революционных беспорядков в столичных центрах.

Напомним по дням, как это происходило:

27 февраля — Алексеев, по словам Государя, считает необходимым лишь «назначить очень энергичного человека, чтобы заставить министров работать». Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от кавалерии Алексей Брусиллов полагал, что следует отправить князя Николая Голицына в отставку и сформировать правительство, которое бы пользовалось «общественным доверием». Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал от инфантерии Алексей Эверт заявил, что в политику не мешается и судить ни о чем не может. Остальные — пассивны. **Ни о каком отречении речи нет.**

28 февраля — Алексеев выступает за достижение компромисса с Думой ради того, чтобы Смута не перекинулась из тыла в Действующую армию. Компромисс, по мнению начальника Штаба, мог заключаться в том, чтобы Государь, уехавший в Царское Село, и Родзянко, возглавивший Временный комитет Думы вместо исчезнувшего правительства Голицына, полюбовно договорились о составе нового кабинета. **Ни о каком отречении речи нет.**

1 марта, утро — Алексеев поддерживает проект «министерства доверия» и готов умолять монарха «поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия». В тот же день командующий Балтийским флотом вице-адмирал Адриан Непенин телеграфировал в Ставку Алексееву, высказав категорическое мнение о необходимости пойти на уступки Думе. Непенин по собственному почину, чтобы умиротворить страсти на кораблях, приказал объявить матросским командам сообщение Родзянко о создании Временного комитета Государственной Думы. **Ни о каком отречении речи нет.**

1 марта, поздний вечер — Алексеев полагает, что выход из кризиса заключается в создании «ответственного министерства» и в передаче Думе права по формированию правительства. **Ни о каком отречении речи нет.**

2 марта, утро — позиция Алексеева изложена в телеграмме № 1872. Под влиянием последних известий, поступивших в Ставку из Пскова, генерал заявлял: «Необходимо спасти Действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти **независимость России** и **судьбу династии** **нужно поставить на первом плане** хотя бы ценой дорогих уступок».

Итак, Алексеев считал, что в сложившейся ситуации ценой «дорогих уступок» — Государю и высшему генералитету — следовало **спасать Россию и династию**. Никаких других мотивов, тем паче тайных корыстных намерений, в этом искреннем порыве не было.

Ответы от Главнокомандующих армиями Кавказского, Юго-Западного и Западного фронтов стали приходить в Ставку в ближайшие часы.

Великий князь Николай Николаевич (Младший), бывший Верховный Главнокомандующий в 1914–1915 годах:

«Я, как верноподданный считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к Нему. Осенив себя крестным знамением, передайте ему Ваше наследие».

Генерал Брусилов:

«Прошу Вас доложить Государю Императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к родине и царскому престолу...отказаться от престола в пользу Государя Наследника Цесаревича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича».

Генерал Эверт:

«Безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный умоляет Ваше Величество, во имя спасения родины и династии, принять решение, согласованное с заявлением Председателя Государственной Думы, выраженным им генерал-адъютанту Рузскому, как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии».

Более других молчал помощник Августейшего Главнокомандующего армиями Румынского фронта генерал от кавалерии Владимир Вик. Сахаров, ожидавший реакции других старших начальников. Наконец, и он прислал пространный ответ с поношениями по адресу Родзянко, который, тем не менее, заканчивался так:

«Я, непоколебимо верный подданный Его Величества, рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности продолжать биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищу к предъявлению дальнейших и ещё гнуснейших притязаний».

Вечером, когда вопрос об отречении давно решился, пришла телеграмма от вице-адмирала Непенина:

«С огромным трудом удерживаю в повиновении Флот и вверенные войска... Всеподданнейше присоединяюсь к ходатайствам Великого Князя Николая Николаевича и Главнокомандующих фронтами о немедленном принятии решения, сформулированного Председателем Думы. Если решение не будет принято в

течение ближайших же часов, то это повлечет за собой катастрофу с неисчислимыми бедствиями для нашей родины».

Командующий Черноморским флотом вице-адмирал *Александр Вас. Колчак* никакой телеграммы 2 марта не прислал. Он занял неопределенную позицию и лишь через сутки сделал запрос о необходимости немедленного разъяснения войскам и населению неотложного вопроса о том, кем и как отныне управляется Россия.

В 14 часов Рузский вновь прибыл к Государю, попросив разрешения пригласить также генерала от инфантерии *Юрия Никиф. Данилова*, исполнявшего должность начальника штаба Северного фронта, и генерала от инфантерии *Сергея Саввича* — главного начальника снабжений армий Северного фронта. Начался мучительный разговор на тему, которая была поднята утром... Примерно через полчаса поступил ворох лент из Ставки — ответы Великого Князя Николая Николаевича, генералов *Брусилова*, *Эверта* и *Сахарова* с сопроводительной телеграммой *Алексеева*, докладывавшего телеграммы старших начальников на Высочайшее имя.

В связи с изложенными событиями возникает целый ряд важных вопросов. Во-первых, *можно ли считает предосудительным тот факт, что Алексеев познакомил других командующих с содержанием переговоров между Родзянко и Рузским?*

Во время утреннего разговора с Рузским император не выразил ни малейшего неудовольствия по этому поводу. В дневнике Николай Александрович записал:

«Утром пришел Рузский и прочёл свой длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т. к. с ним борется соц.[иал]-дем.[ократическая] партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2½ ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг».

Обстановка в столице выглядела настолько сложной, что её сокрытие и от монарха, и от старших начальников Алексеев рассматривал *как преступное поведение, способствующее дальнейшему развитию анархии*. Поэтому оповещение старших начальников о той дилемме для русской верховной власти, которая возникла ночью и ранним утром 2 марта, автор настоящих строк предосудительным **не считает**.

Во-вторых, какими мотивами руководствовались старшие начальники, включая Алексеева, поддержав идею «дорогих уступок» — то есть отречения императора Николая Александровича?

Рассмотрим разные варианты.

1. Намеревались ликвидировать самодержавную монархию в угоду либеральной думской оппозиции.

Абсурд. Россия перестала быть самодержавной (абсолютной) монархией в классическом смысле этого слова в 1905–1906 годах, когда Государь даровал законодательные права Государственной Думе, и эта новая форма получила закрепление в Основном Своде Законов.

2. Намеревались лишить монарха исполнительной власти в угоду либеральной думской оппозиции.

Абсурд. Мы видим, что Алексеев поддержал концепцию «ответственного министерства» лишь поздним вечером 1 марта — как политического средства, ещё способного, как казалось, умиротворить революционные страсти в Петрограде, Москве и на Балтийском флоте. К утренним часам 2 марта Николай Александрович давно согласился даровать «ответственное министерство». Поэтому этот вопрос не имел никакого значения для рассылки Алексеевым телеграммы № 1872 и генеральских ответов.

3. Намеревались ликвидировать монархию в принципе и осуществить переход к республиканскому строю.

Абсурд. Из текстов телеграмм следует, что результатом отречения становилась передача престола Наследнику, Цесаревичу Алексею Николаевичу при регентстве Великого князя Михаила Александровича.

Существовала ли альтернатива отречению?

Да, существовала: *непредсказуемая кровавая война Действующей армии — против Петрограда и Москвы при сомнительном нейтралитете остальной России*. Одновременно пришлось бы удерживать боевую линию, решать вопросы бесперебойного снабжения войск, сохранить дисциплину в тыловых гарнизонах и вести подготовку к апрельскому наступлению.

Как старшие начальники, ещё не знавшие о публикации в Петрограде «Приказа № 1», могли оценивать возможные риски в случае согласия на штурм революционных столиц?

а) Кто лично возьмет на себя ответственность за неизбежную кровь?

б) Сохранят ли войска дисциплину при соприкосновении с восставшими?

в) Какое впечатление произведут на армию и офицерский корпус военного времени неизбежные расстрелы, виселицы и трупы на улицах в собственном тылу?

г) Поощрят ли революционеры Царскую семью в Царском Селе? И других представителей династии — в Петрограде? А если беспорядки достигнут Киева?

д) Как отреагирует австро-германский противник на усобицу в тылу Восточного фронта?

е) Как отразится штурм революционных столиц на работе военных предприятий и государственных учреждений?

ж) Как отнесутся к усобице союзники?

И, наконец, **последний риск** — согласится ли армия образца зимы 1917 года безропотно проливать свою и чужую кровь во имя защиты старого

порядка, **психологически подорванного** задолго до революционных беспорядков?

Вопрос не праздный.

Вот что записал 2 марта в своем дневнике Лев Тихомиров — идейный монархист и защитник монархической государственности:

«Можно надеяться, что Временное правительство поддержит порядок и защиту страны. Если это будет так, то нужно будет признать, что переворот произведен замечательно ловко и стройно. Впрочем, ясно, что бесконечно громадное большинство народа за переворот. Видно всем уже надоело быть в страхе за судьбы России. Несчастный Царь, может быть, — последний. Я думаю, однако, что было бы практичнее ввести Монархию ограниченную. Династия, видимо, сгнила до корня. Какое тут Самодержавие, если народу внушили отвращение к нему — действиями же самого Царя.

Посланники Французский и Английский признали Временное правительство.

Теперь вопрос идет о существовании страны. Угрожает страшная Германия, а мы по уши сидели в измене, самой несомненной. Этот переворот должна бы была сделать сама династия, если бы в ней сколько-нибудь осталось нравственной живой силы. Но наличность условий привела к иному исходу».

А далее в дневнике Тихомирова следуют грустные строки:

«Действительно, — ужасная была власть. Если только Временное правительство окажется прочным (что, по-видимому, несомненно), — то падение Николая II будет встречено радостью по всей России. Я думаю, что основная причина гибели Царя — его ужасная жена. Но, конечно, не погибать стране из-за неё... А он был под башмаком. И то удивительно, что так долго терпели».

Мы не будем здесь разбирать рассуждения Тихомирова и выяснять, в какой степени, как современник эпохи, он оказался справедлив или несправедлив. Для нас важнее другое: именно **в такой** психологической атмосфере генералам пришлось бы начинать войну против революционных столиц.

Итак, выбор выглядел очевидным.

На одной чаше весов — сумма всех вышеописанных рисков.

На другой — смена Царствующего лица на престоле. «Всего лишь».

Таким образом, 2 марта 1917 года старшие начальники Армии, включая генерала от инфантерии Михаила Васильевича Алексеева, соглашаясь на «дорогие уступки», руководствовались в сложившейся конкретной ситуации единственным мотивом — **наименьшим злом**.

Отречение **в пользу Алексея Николаевича** — невинного ребёнка — сохраняло престол, династию, преемственность власти и предотвращало кровавую усобицу.

Кроме того, в глазах генералов особое значение приобретал ещё один важный аргумент. Армия была связана присягой, кроме Государя, ещё и

Наследнику — следовательно, переход престола Алексею Николаевичу даже на короткий миг никак **не разрушал присяги** и той морально-религиозной ответственности, которая связывала всех воинских чинов.

Никаких признаков «измены» или «предательства» нет и в том, что старшие начальники посмели высказать своё мнение по поводу сложившейся тяжелой ситуации.

Каждый из них, по букве и духу данной присяги, обязался заботиться о благе Российского государства и «во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному офицеру надлежит». По присяге же «об ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке» каждый из них обязался докладывать — а в данном случае речь шла и об интересах Наследника.

Никто из генералов или вице-адмиралов не отказывал Государю в повиновении или выполнении отданных приказов. Но приказы **не отдавались** — в дневные часы Николай Александрович искал выход, казавшийся ему наименее болезненным. Вполне возможно, что идея отречения показалась даже более приемлемым выходом, чем превращение в конституционного монарха.

Примерно в 14. 30. Рузский положил перед Государем телеграфные ленты и попросил их прочесть.

Алексеев в сопроводительной телеграмме докладывал:

«Умоляю безотлагательно принять решение, которое Господь внушит Вам... Промедление грозит гибелью России. Пока армию удаётся спасти от проникновения болезни, охватившей Петроград, Москву, Кронштадт и другие города. Но ручаться за дальнейшее сохранение военной дисциплины нельзя. Прикосновение же армии к делу внутренней политики будет знаменовать неизбежный конец войны, позор России, развал её. Ваше Императорское Величество горячо любите родину и ради её целостности, независимости, ради достижения победы соизволите принять решение, которое может дать мирный и благополучный исход из создавшегося, более чем тяжелого положения... Ожидаю повелений».

Рузский резюмировал: спасительно лишь отречение.

В том же духе высказались два других генерала — Данилов и Саввич.

Очевидно, что солидарная позиция генералитета произвела на монарха очень сильное впечатление, предопределив его выбор. После небольшой паузы Николай Александрович произнес: «Я решил. Я отказываюсь от престола». Генералы перекрестились.

Поразительно, но один из самых важных вопросов в истории Российского государства решился **менее чем за час**, между 14 и 15 часами, в четверг, 2 марта 1917 года. При этом накануне вечером вопрос о введении «ответственного министерства» решался на протяжении **нескольких часов**.

Беда была в том, что генералы перекрестились рано.

Пока в Пскове разыгрывалась драма отречения, в Петрограде солдаты и обыватели расхватывали утренний выпуск «Известий Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» с пресловутым «Приказом № 1». Этот зловещий документ, разрушавший основы воинской дисциплины и принцип единоначалия в русской армии, получил широкую известность в **первой половине** дня 2-го марта — лишнее указание на то, что важнейшие события в Могилёве, в Пскове, в Петрограде проходили **параллельно** и зачастую вне связи друг с другом.

Революция жила своей собственной жизнью: масса «запасных» завоевала в столице **право на бесчестие** — и не желала с ним расставаться. Несколько месяцев спустя, член Исполкома Петроградского Совета Иосиф Гольденберг в ответ на критические замечания французского журналиста и историка Клода Ане по поводу пресловутого «Приказа № 1», заявил:

«Приказ № 1 не был ошибкой: это была необходимость... В тот день, когда мы сделали революцию, мы поняли, что если мы не разрушим старую армию, то она подавит революцию. Нам приходилось выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы выбрали революцию и пустили в ход, я смею сказать, гениально необходимые средства».

Считается, что редактором-составителем «Приказа № 1» был секретарь Исполкома Петроградского Совета социалист *Николай Дм. Соколов*. Однако автограф текста, сочинявшийся Соколовым вечером 1-го — ночью 2-го марта, не сохранился. «Известия» печатались в типографии, которой распорядился большевик *Владимир Дм. Бонч-Бруевич*. Поэтому не исключено, что опубликованная версия «Приказа № 1» была результатом пропагандистского творчества даже не столько Соколова, сколько Бонч-Бруевича. Тем не менее, Совет, члены которого пресловутого приказа не составляли, не обсуждали и не принимали, в целом одобрил его содержание.

Примерно в то самое время, когда император объявил старшим начальникам Северного фронта о своей согласии отречься от престола, в Таврическом дворце на импровизированном митинге состоялась своеобразная «презентация» Временного правительства. Его состав обсуждался в закулисных переговорах между кадетами и социалистами минувшей ночью и ранним утром. Министром-председателем стал князь Георгий Львов. На митинге выступил лидер думской оппозиции, профессор Павел Милюков, отныне взявший на себя руководство внешней политикой. На возбужденные вопросы из толпы («Кто вас выбрал?!») Милюков ответил:

«Нас никто не выбрал, ибо, если бы мы стали дожидаться народного избрания, мы не могли бы вырвать власть из рук врага. Пока мы спорили бы о том, кого выбирать, враг успел бы организовать и победить и вас, и нас. Нас выбрала русская революция».

Здесь же Милюков объявил о согласии его «товарища Александра Фёдоровича Керенского занять пост [министра юстиции. — К. А.] в первом русском общественном кабинете». Имя *Александра Ив. Гучкова*, названного в качестве военного министра, вызвало противоречивую реакцию слушателей. Самого Гучкова на митинге не было — он собирался отправиться или уже отправился вместе с депутатом Василием Вит. Шульгиным в Псков, для того, чтобы убедить императора отречься от престола.

Имя следующего министра *Александра Ив. Коновалова*, бывшего до Февраля заместителем председателя Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК), казалось революционной публике знакомым. Но другие имена, названные Милюковым — *Михаила Ив. Терещенко*, *Николая Вис. Некрасова* — вызвали недоумение («Кто это?»).

Интересно, что несмотря на революционную взвинченность слушателей, находившихся, кроме того, под впечатлением от «Приказа № 1», Милюков — о чем вспоминают редко — как будто бы невзначай, по ходу дела попытался защитить конституционно-монархический строй в России.

«Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен... Власть перейдет к регенту, Великому Князю Михаилу Александровичу, Наследником будет Алексей (крики: “Это старая династия!”). Да, господа, это старая династия, которую, может быть, не любите вы, а может быть, не люблю и я. Но дело сейчас не в том, кто кого любит. Мы не можем оставить без ответа и без решения вопрос о форме государственного строя. Мы представляем его себе, как парламентскую и конституционную монархию. Быть может другие, представляют иначе, но теперь, если мы будем об этом спорить, вместо того, чтобы сразу решить, то Россия очутится в состоянии гражданской войны и возродится только что разрушенный режим. Этого мы сделать не имеем права ни перед вами, ни перед собой. Однако это не значит, что мы решили вопрос бесконтрольно. В нашей программе вы найдете пункт, согласно которому, как только пройдет опасность и водворится прочный порядок, мы приступим к подготовке созыва Учредительного Собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Свободно избранные народные представители решат, кто вернее выразит общее мнение России: мы или наши противники».

Милюков противоречил сам себе, так как конституционно-монархический строй трудно было совместить с идеей созыва Учредительного Собрания и обсуждения формы государственного устройства — но в тот момент она могла благотворно повлиять на всеобщие страсти, а монархический строй получил бы передышку. Россия продолжала войну и как бы развивалась политическая ситуация дальше — по замыслу Милюкова — это был ещё большой вопрос.

Нас, однако, в этой речи привлекает другое обстоятельство.

Митинг состоялся по разным оценкам в диапазоне между 15 и 17 часами. Милюков говорит об отречении в будущем времени, как о событии, которому ещё только предстоит состояться («Добровольно откажется от

престола или будет низложен»). Между тем отречение де-факто уже состоялось, но в Петрограде об этом ещё **не знали**.

К сожалению, Милюков допустил серьёзную ошибку: *невольнo он проболтался и вынес тайный план Гучкова на обсуждение революционной улицы*. Гучков рассчитывал вернуться из Пскова победителем, с отречением в пользу Великого Князя Михаила Александровича. Он хотел поставить улицу перед фактом и сделать всю Февральскую революцию юридически ничтожной, сохранив престол и династию. Теперь же, послушав Милюкова, масса забурлила от возмущения... Новорожденное Временное правительство оказалось в весьма шатком положении, в **положении оправдывающегося** органа власти перед Петроградским Советом, состоявшим из социалистов.

Выезд делегации (Гучков, Шульгин) из Петрограда в Псков тоже оказался **весьма некстати** — пока ждали её прибытия из столицы в штаб Северного фронта, публикация манифеста об отречении императора Николая II задержалась на **долгие часы**. Это обстоятельство привело к негативным последствиям, как для содержания самого акта об отречении, так и для сохранения монархического строя в России.

В 15 часов, приняв решение отречься от престола, Государь в Пскове написал две телеграммы. Одну — для Председателя Думы Михаила Родзянко, в Петроград:

«Нет той жертвы, которую Я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой матушки России. Почему Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына с тем, чтобы Он оставался при Мне до совершеннолетия, при регентстве брата Моего Михаила Александровича».

Именно с этой телеграммой для Родзянко связана одна легенда, создателем которой в эмиграции невольнo стал генерал-лейтенант Антон Ив. Деникин. К ней мы вернёмся позднее.

Другую — для начальника Штаба генерала от инфантерии Михаила Алексеева, в Могилёв:

«Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына. Прошу всех служить Ему верно и нелицемерно».

Однако тут пришло сообщение из Петрограда о выезде в Псков Гучкова и Шульгина. Главнокомандующий армиями Северного фронта генерал от инфантерии Николай Рузский предложил дождаться их приезда и выяснить его причины. Поэтому до того момента Государь решил написанные телеграммы **не посылать**. При этом телеграмму для Алексеева монарх взял из рук Рузского, а телеграмма для Родзянко осталась у Рузского. Рузский хотел внятно показать думцам, что вопрос об отречении решился

ещё до их приезда, в котором не было никакой нужды. Следовательно, армия будет определять дальнейшее развитие событий, а не Дума.

Потянулось томительное ожидание.

Депутатский поезд ждали к 19 часам.

В эти несколько часов произошли два важных события. Первое из них может рассматриваться в качестве классического примера, подтверждающего мнение христианского мыслителя Георгия Федотова о том, что история — **это мистерия человеческих поступков**.

Первое. Между 15 и 16 часами у Государя состоялся знаменитый роковой разговор с лейб-хирургом *Сергеем Петровичем Фёдоровым*. Речь шла не только о здоровье Наследника, которое врач ставил в зависимость от всяких случайностей. Но в первую очередь Фёдоров развеял надежды Государя на то, что Цесаревич сможет остаться в семье до тех пор, пока не станет взрослым: *«Нет, Ваше Величество, это вряд ли будет возможно, и по всему видно, что надеяться на это Вам совершенно нельзя»*. Хирург сказал, что болезнь Алексея Николаевича неизлечима, но *«многие доживают при ней до значительного возраста»*.

В результате этого разговора Государь решил оставить сына при себе и **отречься за него тоже**, в пользу брата Михаила. Принятое парадоксальное решение придавало всей ситуации совершенно новый вид:

Во-первых, войска и население тем самым освобождались от данной присяги Наследнику, отныне требовалась переприсяга — Михаилу Александровичу;

Во-вторых, немедленно объявить о своём решении Государь **не пожелал** — и вплоть до 22. 00. — 22. 30. все участники драмы и в Могилёве, и в Пскове, и в Петрограде были убеждены, что **речь идет об отречении в пользу Цесаревича Алексея Николаевича**;

В-третьих — возникала острая правовая коллизия, так как покушение на права психического здорового сына, несмотря на его несовершеннолетие и физический недуг, выглядело юридически спорным и уязвимым.

Дискуссия о том, имел ли Государь право отречься за Наследника от престола, продолжается долгие годы. Автор не считает возможным приводить здесь аргументы разных сторон, это слишком увлекло бы нас в сторону от главной темы.

Ограничимся кратким резюме: аргументы участников дискуссии, считающих, что император Николай II мог лишиться прав на Престол Цесаревича Алексея Николаевича, *не выглядят убедительными*. Принятое решение, которое можно понять по-человечески, невольно разрушало принцип легитимности и правопреемственности русской исторической власти в период острого политического кризиса.

Второе. Ставка узнала о решении Государя от Рузского. Возможно, что он передал в Могилёв копию царской телеграммы для Родзянко вместе с Высочайшим повелением подготовить проект Манифеста об отречении, содержание которого произвело позднее такое сильное впечатление на Шульгина и Гучкова. Просьба казалась вполне естественной, так как в

Могилёве находился такой квалифицированный юрист как директор дипломатической канцелярии при Ставке, камергер Николай Базили.

Алексеев немедленно поручил Базили составить проект Манифеста. Неопределенность в вопросе о верховной власти и государственном устройстве России начальник Штаба считал губительным для армии. Базили привлек к делу нескольких офицеров и взялся за работу, продолжавшуюся примерно час. Заканчивался проект такими словами:

«В эти решительные дни жизни России Нам казалось Нашим долгом помочь Нашему народу сильнее объединиться и соединить все силы нации для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, Мы считаем правильным отказаться от престола Государства Российского и сложить с себя Верховную Власть. В согласии с порядком, установленным Основными Законами, Мы передаем Наше наследие Нашему возлюбленному сыну Государю Наследнику Цесаревичу и Великому Князю Алексею Николаевичу и благословляем Его взойти на Престол Государства Российского, Мы уполномочиваем Нашего брата Великого Князя Михаила Александровича взять на себя долг регента Государства, пока Наш сын не станет совершеннолетним, править Государством, в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои ими будут установлены. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед ней — повиновением Царю в эту годовщину народных испытаний и помочь Ему, вместе с народными представителями, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России».

Составлялся проект ранним вечером. В **18. 55.** Государь получил телеграмму от Родзянко, в которой Михаил Владимирович уведомлял монарха о создании правительства под председательством князя Львова, о подчинении войск новому правительству и о необходимости командировать в Петроград генерал-лейтенанта *Лавра Георгиевича Корнилова*, «для установления полного порядка», как сообщает историк Сергей Мельгунов. Около **19. 30.**, по свидетельству Базили, проект Манифеста был передан из Ставки в Псков.

В 21 час, с опозданием на два часа, в Псков прибыли из Петрограда Гучков и Шульгин. Их провели в салон-вагон императорского поезда. В 21. 45. Его Величество принял министра Императорского Двора, генерала от кавалерии графа *Владимира Бор. Фредерикса*, члена Государственного Совета *Александра Ив. Гучкова*, члена Государственной Думы Василия Шульгина и Свиты генерал-майора *Кирилла Анатольевича Нарышкина*. С небольшим опозданием, по одной из версий, подошли генерал от инфантерии Николай Рузский и генерал от инфантерии Юрий Данилов, исполнявший должность начальника штаба Северного фронта. Нарышкин вел запись.

Гучков, сохраняя спокойствие, начал так:

«Мы приехали с членом Государственной Думы Шульгиным, чтобы доложить о том, что произошло за эти дни в Петрограде, и вместе с тем посоветоваться [“дать те советы, которые мы находим нужными”, — по другой версии] о тех мерах, которые могли бы спасти положение. Положение в высшей степени угрожающее... Это не есть результат какого-либо заговора, а это движение вырвалось из самой почвы... и сразу получило анархический отпечаток, власти ступшевались... Так как было страшно, что мятеж примет анархический характер, мы образовали так называемый Временный Комитет Государственной Думы и начали принимать меры, пытаясь вернуть офицеров к командованию нижними чинами; я сам лично объехал многие части и убеждал нижних чинов сохранять спокойствие. Кроме нас заседает в Думе ещё Комитет рабочей партии, и мы находимся под его властью и его цензурою. Опасность в том, что если Петроград попадет в руки анархии, то нас, умеренных, сметут, так как это движение начинает уже нас захлестывать. Их лозунг: провозглашение социалистической республики. Это движение захватывает низы и даже солдат, которым обещают отдать землю.

Вторая опасность, что движение может прорваться на фронт... Там такой же горючий материал, и пожар может перекинуться по всему фронту, так как нет ни одной воинской части, которая, попав в атмосферу движения, тотчас же не заражалась бы... В народе глубокое сознание, что положение создано ошибками власти и именно верховной власти, а потому нужен какой-нибудь акт, который подействовал бы на сознание народное. Единственный путь — это передать бремя верховного правления в другие руки. Можно спасти Россию, спасти монархический принцип, спасти династию, если Вы, Ваше Величество, объявите, что передаёте свою власть Вашему маленькому сыну, если Вы передадите регентство Великому Князю Михаилу Александровичу и если от Вашего имени или от имени регента будет поручено образовать новое правительство, тогда, может быть, будет спасена Россия. Я говорю “может быть”, потому, что события идут так быстро, что в настоящее время Родзянко, меня и других умеренных членов Думы крайние элементы считают предателями; они, конечно, против этой комбинации, так как видят в этом возможность спасти наш исконный принцип».

Государь выглядел невозмутимо и внимательно слушал человека, к которому питал искреннюю неприязнь. Когда зашла речь об отречении, как о необходимости, Рузский сказал Шульгину, сидевшему рядом: *«Государь уже решил этот вопрос»*, и затем передал монарху известную нам телеграмму на имя Родзянко, помеченную 15 часами.

Рузский явно ожидал, что император прочитает её содержание столичным делегатам. Но Николай Александрович, к удивлению генерала, молча убрал сложенный пополам лист в карман. Гучков и Шульгин на эту маленькую сцену не обратили внимания.

Текст телеграммы давно потерял свою актуальность.

Вечером 2 марта 1917 года Александр Гучков был убежден в спасительности отречения в пользу Цесаревича. По его словам, **«облик маленького Алексея Николаевича был бы смягчающим обстоятельством при передаче власти»**. Позднее, в своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Гучков подтвердил: **«Комбинация**

малолетнего государя с регентом представляла для дальнейшего развития нашей политической жизни больше гарантий».

Марина Цветаева, спустя месяц после отречения, написала свое знаменитое стихотворение, выразив витавшие в воздухе чаяния так:

За Отрока — за Голубя — за Сына,
За царевича младого Алексея
Помолись, церковная Россия!

Очи ангельские вытри,
Вспомяни, как пал на плиты
Голубь углицкий — Димитрий.

Ласковая ты, Россия, мать!
Ах, ужели у тебя не хватит
На него — любовной благодати?

Грех отцовский не карай на сыне.
Сохрани, крестьянская Россия,
Царскосельского ягненка — Алексея!

Вопрос о том, на какую общественную поддержку в начале марта 1917 года мог рассчитывать юный Цесаревич, до сих пор малоизучен. Вполне вероятно, что не столько политический, сколько эмоциональный «план Гучкова», предполагавшего, что воцарение маленького — и невинного — Государя окажет умиротворяющее психологическое воздействие, мог быть осуществлен и принят крестьянско-солдатской массой.

Во всяком случае, стоило попытаться, особенно с учетом того фактора, что присяга Наследнику продолжала связывать армию. Вечером 2-го марта Гучков откровенно заявил собеседникам, что провозглашение республики **может вызвать усобицу** — следовательно, требовалось сохранить обновленный монархический строй.

Выход из ситуации казался очевидным.

Поэтому новое решение императора Николая Александровича об отречении за сына в пользу брата Михаила произвело на собравшихся впечатление разорвавшейся бомбы.

Позднее генерал от инфантерии Николай Рузский рассказывал об этом Великому князю Андрею Владимировичу так:

«Все так были огорошены совершенно неожиданным решением Государя. Гучков и Шульгин переглянулись удивленно между собой, и Гучков ответил, что такого решения они не ожидали и просили разрешения обсудить вдвоем вопрос и перешли в соседнее столовое отделение».

Василий Шульгин, судя по официальной записи, заявил:

«В Думе это **сумасшедший дом**. Нам придется вступить в решительный бой с левыми элементами, а для этого нужна какая-нибудь почва».

Под «почвой» Василий Витальевич имел ввиду престол, занятый законным Наследником. Теперь же ситуация изменилась.

Немедленно встал вопрос о правовой оценке Высочайшего решения — никто из участников драматического совещания не брался внятно сказать, мог ли Государь покушаться на права сына. Растерянный Рузский упрекнул думцев в том, что они приехали в Псков без юриста, специалиста по государственному праву. Шульгин резонно возразил генералу: никто и не мог предположить такого неожиданного поворота событий.

После некоторых колебаний и частных переговоров, Гучков и Шульгин приняли предложение Николая Александровича и согласились с новой формулировкой, резко менявшей всю политическую ситуацию в России. Примерно в **23. 40**. Государь подписал исправленный проект Манифеста, ранее присланный из Ставки, но время было указано более ранее: **15 часов**. Документы о других назначениях датировались еще более ранним временем.

Государь, уверенный в истинности принципа *«Сердце царево в руке Божией»*, подписал отречение за себя и за Алексея Николаевича, скорее всего, без внутреннего конфликта.

Здесь мы сразу оговоримся: все современные новомодные «открытия» о том, что Государь на самом деле «не отрекался» 2 марта 1917 года, Манифест «подделан», подпись была сделана карандашом, — а потому недействительна, сам Манифест оказался недействителен без приложения Большой печати и т. п., автор считает **шарлатанством**, не имеющим отношения к исторической науке.

До сих пор **нет** официальных заявлений и результатов квалифицированных экспертиз, которые бы подтвердили еще одну паранаучную версию — о якобы имевшей место подделке большевиками рукописных дневников императора Николая II за февраль — март 1917 года. Многочисленные «Интернет-умствования» на эту тему не производят впечатления серьезных.

Вот знаменитые слова из царского дневника, сделанные при отъезде из Пскова **ночью, в пятницу 3-го марта**:

«Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2½ ч. пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот[орыми] я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость и обман!»

Можно долго и страстно спорить о том, к кому именно относились горькие слова, написанные при отъезде из Пскова: «Кругом измена и трусость и обман!»

К думцам? Рузскому? Петроградской толпе?
Или — ко всем сразу?..

Однако мы можем с уверенностью сказать, к кому они **не относились** наверняка — к начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего генералу от инфантерии Михаилу Алексееву. Из Пскова перенесемся в Могилёв.

В Ставке об отречении узнали почти сразу.

Вот как вспоминал об этом Генерального штаба полковник Борис Сергеевский, служивший тогда в чине подполковника штаб-офицером для делопроизводства и поручений при Управлении Генерал-квартирмейстера, и заведовавший службой связи.

«Перед полуночью на 3-е марта щелкнул зуб псковского аппарата и, после обычных “пп” и ”пд” [“прошу принимать”, “прошу давать”], стала выползать лента со словами:

“Его Императорскому Величеству угодно было подписать...”

Я сделал знак Кистеру [барон, дежурный офицер связи]. Последний бросился в приемную комнату, и оттуда в аппаратную комнату поспешили, в большом волнении и забыв даже привычную дисциплину, начальствующие лица. В узкой двери столкнулись, чуть-чуть не сбив друг друга с ног, Великий Князь Сергей Михайлович и генерал Лукомский... все они толпой окружили псковский аппарат и меня с дежурным чиновником. Аппарат продолжал щелкать, и лента выползала все дальше:

“...подписать Указы Правительствующему Сенату: первый о бытии Председателем Совета Министров князю... Львову, второй — о бытии Верховным Главнокомандующим Великому Князю Николаю Николаевичу. После сего Его Императорскому Величеству благоугодно было подписать Акт отречения от престола за Себя и за Сына и о передаче Престола Великому Князю Михаилу Александровичу...”

Среди шума голосов, вырвавшихся у окружавших меня лиц, я отчетливо слышал выкрики полного изумления: генерала Лукомского — “Михаилу?!” и Великого Князя Сергея Михайловича — “Как Михаилу?! Вот так штука!!!”

Аппарат отстукал еще несколько слов о том, что с подлинных актов снимаются копии, полный текст которых будет немедленно, по окончании переписки, передан в Ставку. Телеграфист спешно наклеил ленту на бланк и генерал Лукомский бегом понес её наверх генералу Алексееву».

Около часа ночи 3 марта из Пскова в Ставку пришли полные тексты двух указов Сенату и Акта отречения. В течение следующего часа Алексей передал в Службу связи специальное оповещение для Главнокомандующих армиями всех фронтов. Начальник Штаба направлял им полные копии трех документов с добавлением распоряжения об объявлении содержания присланных материалов войскам и населению на подчиненных театрах военных действий. Одновременно Алексей считал **необходимым немедленно приводить войска и население к присяге на верность новому императору Михаилу Александровичу.**

Однако подполковник Сергеевский, заведовавший связью, доложил Генерал-квартирмейстеру Ставки, Генерального штаба генерал-лейтенанту Александру Лукомскому, что распоряжение начальника Штаба преждевременно. В соответствии с законами Российской империи ни одно лицо и ни одно учреждение не имели права провозглашать императора. Лишь член Дома Романовых, занимавший престол в порядке престолонаследия, объявлял о том особым Манифестом — **тем самым создавалось юридическое основание для принесения присяги**. Сейчас же получалось так, что нового монарха провозглашали генерал Алексеев и Ставка. Начальник Штаба и Генерал-квартирмейстер нашли возражение серьезным. Поэтому **ночью 3 марта** в Могилёве решили ждать манифеста нового императора, Михаила I.

Нервозность повышалась: старая присяга оказалась упраздненной, а новая откладывалась — формально вроде бы ненадолго. Однако в тех обстоятельствах ситуация могла изменяться **по часам...**